

Администрация муниципального образования «Город Ижевск»
Удмуртское региональное отделение ВОО ВООПИК
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН
Удмуртский государственный университет
МАУК ВЦ «Галерея» (Музей Ижевска)

Татьяна Власова
Константин Обухов

**Ижевск 2020:
опыт социологического исследования
символического пространства города**

Монография

Ижевск
2020

УДК 316.334.56
ББК 60.524
В58

Исследование и издание осуществлялось при поддержке Фонда президентских грантов по проекту «Дерябинские ассамблеи: Межрегиональный форум исторических городов-заводов Урала и Поволжья»

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор Абрамов Роман Николаевич
доктор социологических наук, профессор Богатова Ольга Анатольевна

В 58 Власова Т.А., Обухов К.Н.
Ижевск 2020: опыт социологического исследования символического пространства города. Монография. – Ижевск: Изд-во «Монпоражён», 2020. – 124 с.

ISBN 978-5-906306-30-2

В монографии представлены результаты социологического исследования проблем городского развития на примере Ижевска. Особое внимание уделяется отношению горожан к сохранению историко-культурного наследия и развитию креативного пространства. Монография адресована социологам, историкам, культурологам, социальным антропологам, исследователям проблем урбанистики.

УДК 316.334.56
ББК 60.524

© Т. А. Власова, К. Н. Обухов, 2020
© Издательство «Монпоражён», 2020

Предисловие

Дискуссии об уникальных особенностях Ижевска, выделяющих его среди других российских городов, ведутся на протяжении длительного периода. В определенные моменты времени обсуждения могут носить более интенсивный характер. 2020 год является в этом смысле достаточно показательным: 260-летие Ижевска, 100-летие государственности Удмуртии и 180-летие П. И. Чайковского наложились на последствия масштабного празднования юбилея М. Т. Калашникова в 2019 году. У всех этих юбилейных дат есть и материальная составляющая: представлены первые результаты реализации приоритетного национального проекта «Формирование комфортной городской среды» на территории города. Кроме того, впервые в современной истории Удмуртии и Ижевска затрачены значительные средства на профессиональное брендинг и маркетинговое сопровождение мероприятий, в том числе за пределами региона. Эти изменения в физическом и символическом пространстве города оказали влияние на его восприятие горожанами, которых все чаще пытаются привлечь к обсуждению происходящих изменений.

Мы не можем говорить сегодня о том, что происходящие изменения находят однозначный отклик среди жителей или экспертов. Одновременно с этим реализация проектов по развитию комфорт-

ной городской среды будет продолжена. Часть из них связана с развитием и возвращением в активное использование объектов историко-культурного наследия города (Главный корпус Ижевского оружейного завода, Пивомедоваренный завод И. И. Бодалева, Ижевская типография и др.), что может привести к новой интенсификации обсуждений значимости для горожан определенных мест и символов. Учитывая многообразие существующих интересов различных городских акторов, вероятность возникновения конфликтов и споров в ходе дискуссий достаточно высока. Финансовые и управленческие аспекты развития территорий будут накладываться на изначальную множественность в представлениях об особенностях и стилях жизни в Ижевске. Но именно в этой множественности и в возможности вести многоплановые дискуссии заключается суть городского пространства.

В настоящей монографии мы попытались представить актуальный срез значимых для горожан и экспертов мнений о содержательной наполненности городского пространства Ижевска. В определенной степени Ижевск – один из немногих российских городов, который имеет продолжительную историю своего социологического описания. Как минимум она начинается с первого крупного исследования символического пространства города, реализованного в ходе проекта «Артконверсия» в 2003-2004 годах. В 2009 году было проведено значимое для Ижевска исследование «Ментальные карты Ижевска», осуществлявшееся при грантовой поддержке в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 14.04.2008 г. № 192-рп. В 2019 и 2020 году мы попытались продолжить линию изучения города в рамках проекта «Дерябинские ассамблеи» (Фонд президентских грантов, №19-2-021122). Такая длительная история изучения, с одной стороны, является ценной, так как позволяет проследить долгосрочные тенденции, но, с другой стороны, приводит к возникновению определенных трудностей. При относительной преемственности инструментов исследования возникает и их несогласованность: со временем меняются доминирующие при описании города метафоры, изменяются основные городские идеологии, трансформируется физическое пространство города.

Исследование, которое легло в основу этой монографии, не строилось на какой-то однозначной и точной теоретической базе. За большинством используемых понятий не стоит глубокая теоретическая проработка. При этом авторы стремились показать, что возникающие вопросы и ситуации, связанные с развитием Ижевска, не уникальны

по своей природе. Существует множество кейсов в России и мире, способных предоставить ценный для понимания происходящего опыт. Чтобы это сопоставление было наглядным, было решено отойти от привычной формы академической монографии с четким разделением на теоретическую и эмпирическую части. Данные, которые были получены в ходе исследования, сопровождаются короткими описаниями социологических и антропологических теорий, а также примерами развития городских пространств в других городах и странах. Авторы надеются, что этот материал будет способствовать дополнительным размышлениям о многомерности городской жизни, покажет неоднозначность любых принимаемых решений, напомним о существовании множества альтернатив развития.

Любая работа по проведению масштабного исследования, даже в рамках изучения отдельных аспектов существования конкретного города, требует включения и помощи большого количества людей и организаций. Мы приносим искреннюю благодарность Удмуртскому отделению ВООПИК и ВЦ «Галерея» за предоставленную возможность и высокий уровень исследовательской свободы в ходе реализации проекта. Также мы выражаем особую признательность М. П. Черемных и Н. Ю. Рупасову за разрешение воспользоваться результатами исследования «Ментальные карты Ижевска». Кроме того, эта книга не появилась бы без поддержки коллег по Институту истории и социологии Удмуртского государственного университета, в частности его директора Н. Ю. Старковой, а также преподавателей кафедры социологии и кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии. Хотим поблагодарить участников интервью, проводившихся в рамках исследования, за их готовность делиться личными историями, за высказанные идеи и опыт. Особой благодарности заслуживают наши помощники-студенты направления подготовки «Социология», которые выполняли трудоемкую техническую работу по сбору и обработке данных.

Методы исследования

Основанием для данной монографии послужили два тесно связанных между собой исследования. Первое исследование предполагало обращение к качественной методике, так как требовалось представить существующее многообразие мнений и практик по работе с историко-культурным наследием города Ижевска. Полуструктурированные интервью с экспертами были проведены в ноябре-декабре 2019 года. Отбор информантов производился на основе комбинирования метода «снежного кома» с предварительным опросом экспертов, связанных с сохранением историко-культурного наследия г. Ижевска и Удмуртии. Три эксперта в указанной области, которые были участниками проекта «Дерябинские ассамблеи», независимо составили предварительный список предполагаемых информантов-экспертов. Приоритетом пользовались те информанты, которые фигурировали одновременно в списках нескольких экспертов. В дальнейшем список трансформировался в соответствии с рекомендациями интервьюируемых. Общее число информантов составило 30 человек. Среди информантов были представители академических институтов (вузов и исследовательских организаций), представители органов государственного управления, представители муниципального образования г. Ижевск, директора и сотрудники музеев, бизнесмены, члены общественных объединений и общественных организаций, сотрудники

муниципальных учреждений, связанных с благоустройством. *Полный список информантов представлен в приложении 1, вопросы интервью – в приложении 3.*

Все информанты в разной степени были вовлечены в практики научных и активистских мероприятий. Они в разной степени знали друг друга, совместно участвовали в мероприятиях или имели общие проекты. Поэтому в интервью фиксировались похожие идеи, примеры, риторические приемы. Таким образом, можно предполагать, что в сфере городского активизма сформировалось общее поле разделяемых представлений и ценностей, которое влияет на процессы конструирования и деконструкции городских проблем, в том числе в вопросах сохранения историко-культурного наследия.

Часть информантов подчеркивала свой «патриотизм» по отношению к городу, используя ряд риторических приемов. Одни делали акцент на том, что не покинули Ижевск, хотя у них была возможность уехать в другие города, включая столичные (Инт. 1). Другие заостряли внимание на том, что после учебы или временного проживания в другом городе или за границей все-таки вернулись в Ижевск (Инт. 2, 15, 17, 21, 23, 26). Третьи «гордились» тем, что являются коренными жителями города и представляют звено в череде нескольких поколений горожан (Инт. 12).

Многие информанты (19 человек из 30) – это люди, родившиеся в Ижевске, восемь информантов родились в других городах и районах Удмуртии, а трое приехали из других регионов. Как правило, участники исследования приехали учиться и затем большую часть жизни прожили в Ижевске. За это время у информантов сложился свой взгляд на Ижевск.

Второе исследование предполагало обращение к количественной методике с опорой на полученные варианты представления города Ижевска в экспертном сообществе. Базой для проведения опроса служила анкета, которая была апробирована в ходе реализации проекта «Ментальные карты Ижевска» в 2009 году (Рупасов, 2009: 29). Подобная преемственность инструментария позволяла осуществлять сравнение полученных в результате исследований 2020 и 2009 годов данных и проследивать изменения в отношении горожан к основным символам Ижевска. Вместе с этим необходимо отметить, что исследование 2020 года сфокусировано на изучении лишь одной из представленных в проекте 2009 года «ментальной карты». Кроме того, современный институциональный контекст,

связанный с более пристальным вниманием к развитию туристической индустрии, требовал расширения исследовательского инструментария с помощью вопросов, ориентированных на изучение коммерческого потенциала использования исторического наследия Ижевска. Подобное сочетание наработанных методик и новых элементов призвано расширить взгляд на исследуемую область. Однако необходимо учитывать, что изменение композиции анкеты, некоторых формулировок вопросов и ответов на них делает сравнения условными. *Вариант анкеты для опроса горожан представлен в приложении 2.*

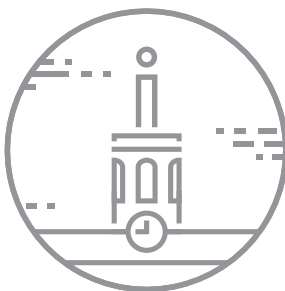
Кроме изменений в опросной форме были внесены изменения и в саму методику проведения опроса. Вопросы задавались жителям города Ижевска и пригородов старше 18 лет, при условии использования ими городской инфраструктуры (исследование 2009 года предполагало опрос исключительно горожан). Опрос предполагал комбинированную стратегию сбора данных: онлайн-опрос и очное анкетирование по месту проживания. Онлайн-опрос прошел с 4 по 18 января 2020 года, очный опрос – с 20 января по 5 марта 2020 года. Общий объем квотной выборки составил 1001 человек, доверительный интервал (погрешность) исследования – 3,09 % (это немного выше исследования 2009 года, которое предполагало погрешность на уровне 2,8 %).

Онлайн-опрос проводился в праздничные январские дни 2020 года. Добровольное рекрутирование осуществлялось в основных социально-политических и культурно-ориентированных группах г. Ижевска в социальных сетях vk.com и facebook.com (оценка доли трафика от такого размещения на уровне 20 %). Кроме того, осуществлялся показ рекламных объявлений в этих социальных сетях. Основной таргетируемой группой выступали жители города Ижевска в возрасте до 45 лет. Осуществлялось стимулирование участия в опросе через розыгрыш билетов на культурно-развлекательные мероприятия и подарочных сертификатов в интернет-магазине. В итоге были получены ответы от 564 респондентов, для анализа были отобраны 518 респондентов. Отбор происходил случайным образом в рамках заданных половозрастных квот репрезентативной выборки, из отбора устранялись респонденты старше 45 лет.

Очный этап исследования подразумевал квотную выборку, направленную на балансирование данных, полученных по результатам онлайн-исследования. Осуществлялось добровольное рекрутирова-

ние населения на улицах и по месту проживания. Всего в ходе такого опроса были собраны анкеты 483 человек.

По итогам проведенного опроса были выявлены незначительные расхождения с первоначальной выборкой в сторону более молодой женской аудитории. Выявленные расхождения минимальны относительно структуры генеральной совокупности и не могут существенно повлиять на репрезентативность полученных данных.

Сквер имени В. А. Журавлёва* возле 2-го корпуса УдГУ.
Фото предоставлено БФ «Сафмар»

Демографическая структура населения Ижевска

Репрезентативность выборки (кроме соблюдения процедуры отбора для участия в исследовании) обеспечивается ее структурным соответствием исследуемой генеральной совокупности, то есть совпадением половозрастной структуры населения г. Ижевска. Необходимо отметить, что структурное соответствие критически важно для получения достоверных данных, так как для города Ижевска, как и для России в целом, характерна «волновая» возрастная структура населения (Рыбаковский, Таюнова, 2017: 56), с преобладанием женской доли населения в старших возрастах (см. рис. 1 на стр. 12).

Общая численность населения на 1 января 2019 года для Ижевска составляет 648 944 (двадцатый по численности город России), из них лиц 18 лет и старше – 507 040 человек. Население относительно пропорционально разделено по пяти основным районам: Индустриальный – 18,85 %, Ленинский – 19,60 %, Октябрьский – 20,79 %, Первомайский – 19,56 %, Устиновский – 21,20 %. К сожалению, к моменту проведения исследования у нас не было относительно достоверной

* При подготовке монографии к печати выяснилось, что сквер у второго корпуса УдГУ не имеет четко закрепленного названия. Для описания иллюстрации авторы предпочли название, чаще всего встречающееся в геоинформационных сервисах на ноябрь 2020 года.

оценки количества людей, которые формально проживают в Завьяловском районе, но по сути являются горожанами. Существует лишь приблизительная оценка, полученная в рамках общей практики проведения полевых количественных исследований: от 2 до 6 % респондентов в стихийной выборке указывают свое проживание в пригородах (в нашем опросе таких 2,3 %).

Кроме того, необходимо отметить, что мы не разделяем взгляды некоторых коллег на расширенное толкование ижевской агломерации (см., к примеру, Кашин и др., 2017: 133), но осознаем значимость субурбанизации территории и ее влияние на социально-экономические отношения с некоторыми поселениями Завьяловского района.

Кроме возрастного и территориального аспектов структуры населения необходимо отметить значение миграционных процессов в развитии города. Общим местом стало утверждение о кризисе в естественном движении населения 1990-х и ситуация с миграцией 2000-х годов. Но в большей части исследований миграции в Ижевск недостаточное внимание уделяется анализу ситуации в послевоенные годы. В этом плане Ижевск не уникален, большинство советских городов увеличивают численность своего населения в процессе окончательной урбанизации советского периода в 1950-1960 гг. (Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен, 2001: 124). Оценочные темпы¹ миграции в г. Ижевск по годам представлены на рисунке 3. При этом учитывался показатель ЕДН – естественное движение населения, представленный как разница между количеством родившихся и умерших людей на территории г. Ижевска по годам. Необходимо отметить, что высокие темпы миграции в город Ижевск сохраняются с конца 1950-х до начала 1980-х годов. При составлении диаграммы из временного ряда устранен 1988 год по причине резкой флуктуации, которая может быть связана с коррекцией данных по итогам переписи 1989 года.

Исходя из представленной истории и базовой структуры численности, можно утверждать, что ощутимая доля ижевчан не является горожанами по жесткому критерию – житель города во втором поколении. Немного более детально этот вопрос разбирался в исследовании 2009 года в специальном разделе, посвященном анализу мигра-

1. Оценка произведена через коррекцию изменения численности жителей города Ижевска по годам на естественное движение населения за этот год. Это косвенная оценка, которая может не совпадать с данными Удмуртстата.

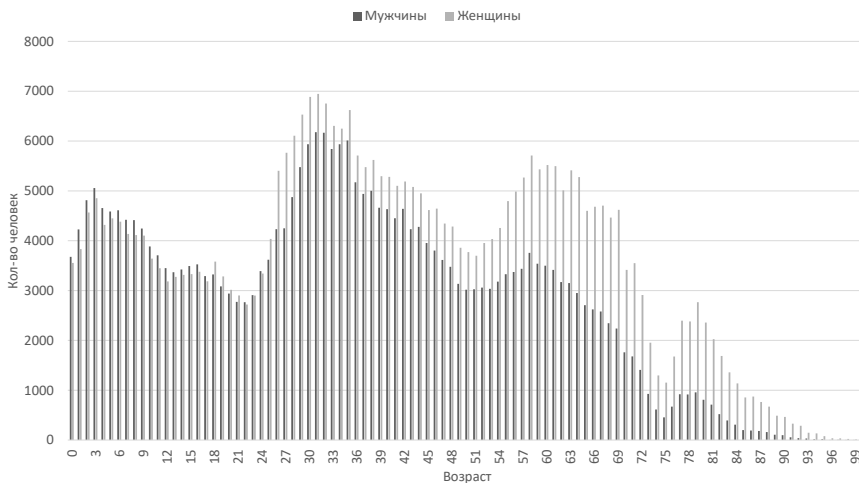

РИСУНОК 1. Половозрастная структура численности населения г. Ижевска на 1 января 2019 года по данным Удмуртстата

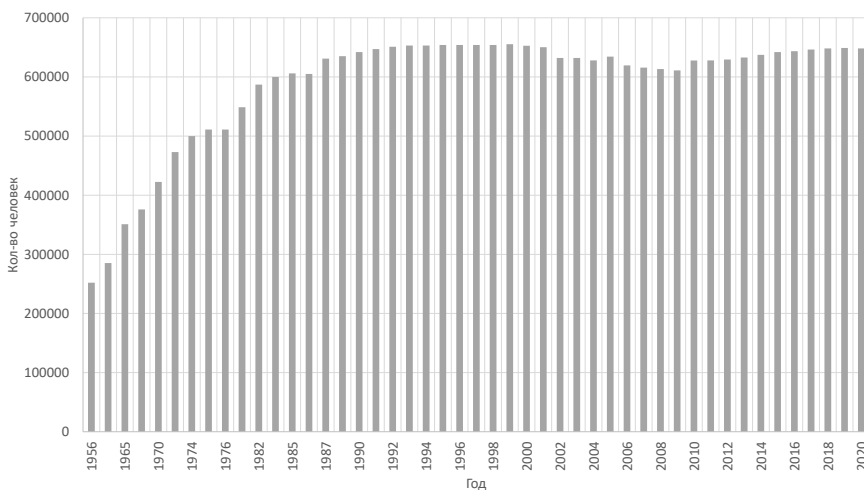

РИСУНОК 2. Численность населения г. Ижевска по годам по данным Удмуртстата

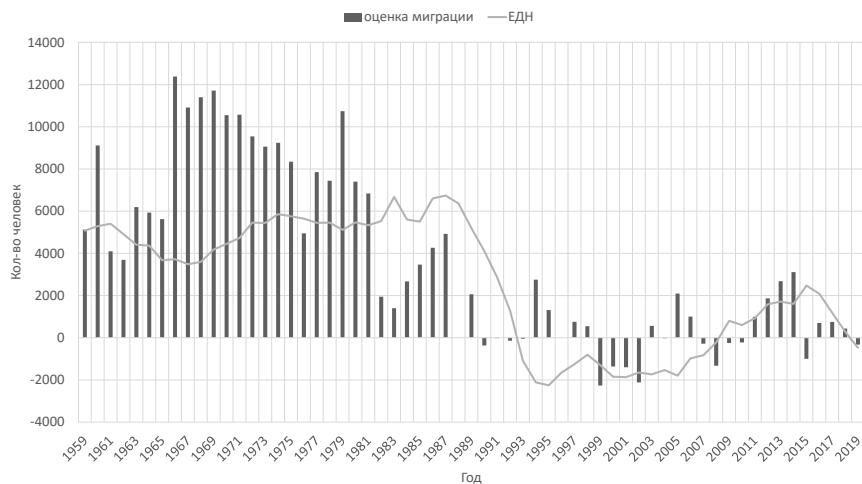

РИСУНОК 3. Косвенная оценка миграционного притока населения в г. Ижевск и показатели естественного движения населения по годам по данным Удмуртстата

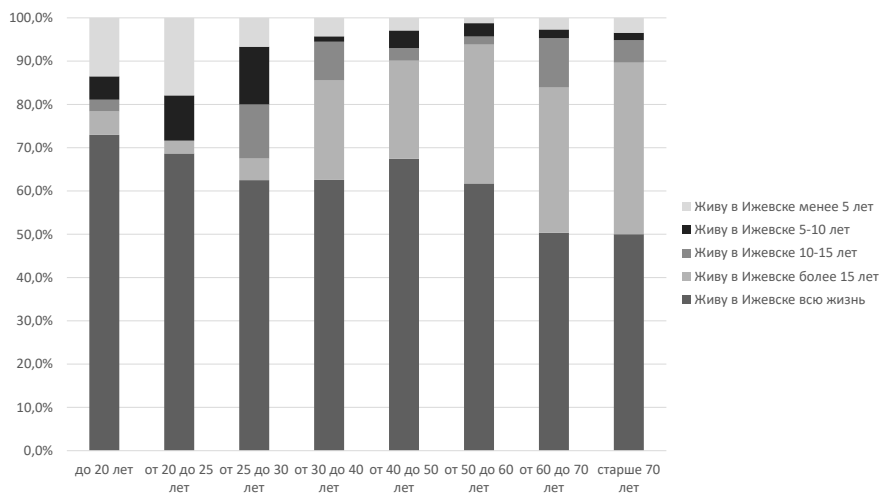
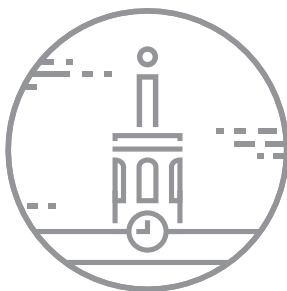

РИСУНОК 4. Структура миграции по возрастам, полученная по результатам исследования 2020 года

ции и миграционной активности (Рупасов, 2009: 64), где представлена оценка роли различных каналов миграции в жизни города. В нашем исследовании актуальная структура опрошенных выглядит следующим образом: в возрасте до 60 лет число респондентов, родившихся в г. Ижевске, стабильно превышает 60 %, но в возрасте старше 60 лет около половины опрошенных приехали в г. Ижевск из других мест. В целом существует определенная закономерность в постоянстве проживания в городе: чем моложе человек, тем выше вероятность, что он родился в Ижевске.

Такое детальное описание миграционной и возрастной структуры населения необходимо для того, чтобы понять общую приверженность тем или иным символам города Ижевска в определенных социально-демографических группах. Базовая гипотеза, которая была выдвинута уже по итогам проведенного исследования, для нас выглядит следующим образом: высокий уровень распространения опыта миграции в город может влиять на отношение к нему на символическом уровне.

Город и социальная память: место и время

Люди разных поколений, прожившие большую часть жизни в одном месте или переезжавшие много раз, могут помнить места или события по-разному. Дата или место, где происходили те или иные события, становятся «запускающим механизмом» для воспоминаний о деталях этих событий (Хальбвакс, 2007: 153). Я. Ассман назвал этот феномен соединения пространства, времени и памяти «коннективной», то есть соединяющей (от англ. connect), структурой (Ассман, 2004: 15). По его мнению, культурная память требует создания «внешней области», то есть появления неких материальных объектов (вещей, памятников, зданий улиц), с которыми соединяется культурный смысл, релевантный для индивида или группы. Эти смыслы не являются конечными или неизменными. Напротив, культурные смыслы трансформируют, к ним могут добавляться новое содержание или новые интерпретации. Я. Ассман даже использует специальный термин «мифомоторика», чтобы подчеркнуть момент подвижности индивидуальной и групповой памяти (Ассман, 2004: 24). Еще более очевидным процесс поиска материального воплощения памяти стал благодаря социологическому анализу феномена фотографии. Фотографирование давно стало восприниматься как практика, позволяющая сохранить память о людях, событиях, местах, взаимодействиях (Бурдые и др., 2014: 33).

Генеральский дом, ул. Милиционная, 4.
фото Yan.dorev (wikipedia.org)

В обычных ситуациях люди спонтанно вспоминают события, которые произошли в определенное время в определенном месте. На пространственно-временную рамку событий ориентируются и вспоминающий человек, и аудитория, если она есть в момент рассказа (Ассман, 2004: 39). В процессе воспоминаний им помогают ориентиры, например, годовой круг событий, рутинные практики, или, наоборот, экстраординарные происшествия. Д. Лоуренталь подчеркивает фактор сконструированности исторического прошлого, которое «изобретается» таким образом, что подходит для нужных действий в подходящий момент (Лоуренталь, 2004: 105-106). Поэтому в современной идеологии прошлое оказывается «предпочтительнее настоящего». В книгах и кинофильмах будущее все чаще выглядит мрачным и неопределенным, даже пугающим. Тогда как прошлое окрашено чувством ностальгии, благодаря чему оно идеализируется. Люди пытаются убежать в прошлое от настоящего, хотя при этом они хотят видеть настоящее в прошлом комфортабельным и приятным для жизни, хотя бы на уровне повседневных удобств. Прошрое, заключенное в разнообразных ландшафтах, оказывается источником эмоциональных переживаний или воспоминаний об этих переживаниях (Лоуренталь, 2004: 105-106).

Всем этим эмоциям легче всего «зацепиться» за вещи, памятники или архитектурные здания. Д. Лоуренталь замечал, что человеческие жизни кажутся временными, люди уезжают или умирают, а здания производят впечатление долговечных, «хранящих память» об истории города. Вокруг зданий или целых кварталов формируется аура старины, осязаемые реликвии представляются достоверными свидетелями (Лоуренталь, 2004: 383). Материальные артефакты являются более популярными, чем, например, исторические тексты. Изучение текстов требует усилий, связанных с чтением, а иногда изучением нового языка, тогда как здание или артефакт может увидеть каждый во время экскурсии, прогулки или туристической поездки. При этом решающее значение имеет осознание древности, связанное приданием месту или зданию маркеров старины, иначе люди просто пройдут мимо (Лоуренталь, 2004: 412).

Задачи исторической реконструкции конвертируются в прибыль, например, если речь идет о туристической привлекательности. Появилась своеобразная мнемотехника, цель которой состоит в том, чтобы породить ощущение «несовременности». Если есть эффект такой «несовременности», то он, несмотря на затратность, быстро коммер-

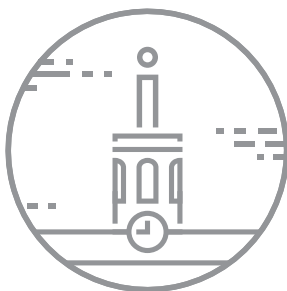
циализируется, прежде всего потому, что эффект аутентичной старины привлекателен для туристов. Во всем мире существенно растут затраты на сохранение памятников истории и культуры. Одновременно возникает и все активнее обсуждается фундаментальное несовпадение запросов туристов и местных жителей.

Т. Винтер, опираясь на статистику ЮНЕСКО, анализирует отношение к сохранению памятников в разных странах мира с так называемой развивающейся экономикой, в которых достигнут средний уровень доходов населения (Winter, 2013: 533). На установки по сохранению памятников истории и культуры влияет возрастной состав жителей. В тех странах, где больше доля молодого населения, в меньшей степени осознается ценность исторического наследия. Молодые жители развивающихся стран склонны принимать установку на предъявление исторических памятников туристам, прежде всего европейцам. Если молодежь в стране составляет большинство, легче принимается установка, связанная с идеологией «устойчивого развития». Типичный пример проекта – район Мушейриб в Катаре, где на основе традиционной архитектуры создан музейно-развлекательный комплекс, ориентированный на то, что хочет увидеть турист, обычно европеец. Напротив, в странах с большой долей стареющего населения выше ценность уникального историко-культурного наследия. В Китае, Непале или Канаде принимают большой поток туристов, но их политика существенно отличается, благодаря стремлению сохранить памятники действительно очень древней культуры. При проектировании стратегий развития территории большое внимание уделяется тому, как видят возможные изменения сами жители. В ходе принятия решений значимую роль играет достижение согласия различных сообществ и мнение местных (de-centre) экспертов (Winter, 2013: 539).

Детализируя проблему, отметим, что на уровне локальных сообществ существует широкий спектр альтернатив. Далеко не всегда решающим доводом является рациональность или финансовая выгода. Различные виды деятельности актуализируют разные формы использования инфраструктурных благ. Л. Тавено на примере дебатов о строительстве дороги во Французских Пиренеях по заказу Евросоюза разбирает нюансы различных интересов разных групп. Например, девелоперы планировали дорогу в качестве канала транспортного транзита через местность, чтобы путешественники ехали через долину без остановок. Напротив, жители были заинтересованы, чтобы

приезжие проводили какое-то время в поселках, знакомились с достопримечательностями, покупали местную продукцию и сувениры (Тавено, 2000: 98).

Очевидно, что основная дискуссия разворачивается между двумя альтернативами. Один тип символики места предназначен для приезжих и сфокусирован на туристической привлекательности, другой – предназначен для внутреннего «употребления». Последняя может строиться либо через соединение элементов символики, предназначенных для аутсайдеров и для инсайдеров, либо через выстраивание совершенно отличной символики, собственного образа места.

Символический образ Ижевска: люди, места, события

То, каким видят Ижевск его жители, в значительной мере зависит от идей и образов, которые широко обсуждаются в медийном пространстве. Направление, содержание и тон таких обсуждений задают те, кому чаще всего приходится рассказывать об Ижевске и Удмуртии с точки зрения профессионала. Так, все участники исследования этапа экспертных интервью отбирались по принципу профессиональной вовлеченности в процесс развития города. Многие эксперты работают в сфере образования, культуры, управления или архитектурного планирования, они регулярно участвовали в различных мероприятиях, конференциях, форумах, где необходимо представить информацию о городе и республике.

На основании материалов исследования можно выявить три способа публичной презентации Ижевска. Первый способ состоит в том, что информанты используют ассоциативный ряд, связанный с личностью М. Т. Калашникова, дополняя его маркерами «город-завод», «город оружейников», «оружейная столица». К этой схеме прибегают те, кто много и часто выступают на публичных мероприятиях, включая как муниципальных служащих, так и представителей академической среды. Второй способ конструирования образа Ижевска связан с тем, что в дополнение

к основным персонажам, прославившим республику (Калашников, Чайковский), называют продукцию заводов, популярную с советских времен (мотоциклы и автомобили «Иж»), известных спортсменов (лыжи – Г. Кулакова, биатлон – В. Медведцев, И. Черезов), либо используется маркер удмуртской культуры (финно-угория, «Бурановские бабушки»). Для тех, кто использует второй способ, сложно подобрать обобщающую, социальную или профессиональную, категорию. Наконец, третий способ, характерный для молодых информантов и тех, кто представлял организации и учреждения, близкие к искусству, строился через отказ от милитаристских ассоциаций. С этой позиции формировалась альтернатива известности Ижевска в качестве города электронной музыки, художников, инженеров, креативного пространства. Информанты в этом случае демонстрировали установку на сознательное «мифотворчество» или создание «альтернативной истории». Это, по мнению одного из информантов, могло бы быть более эффективным инструментом формирования городской идентичности, чем официальные «бренды» (Инт. 26). Городская мифология подпитывала интерес к относительно новым памятникам, таким, как иронический памятник крокодилу или собачке Звездочке.

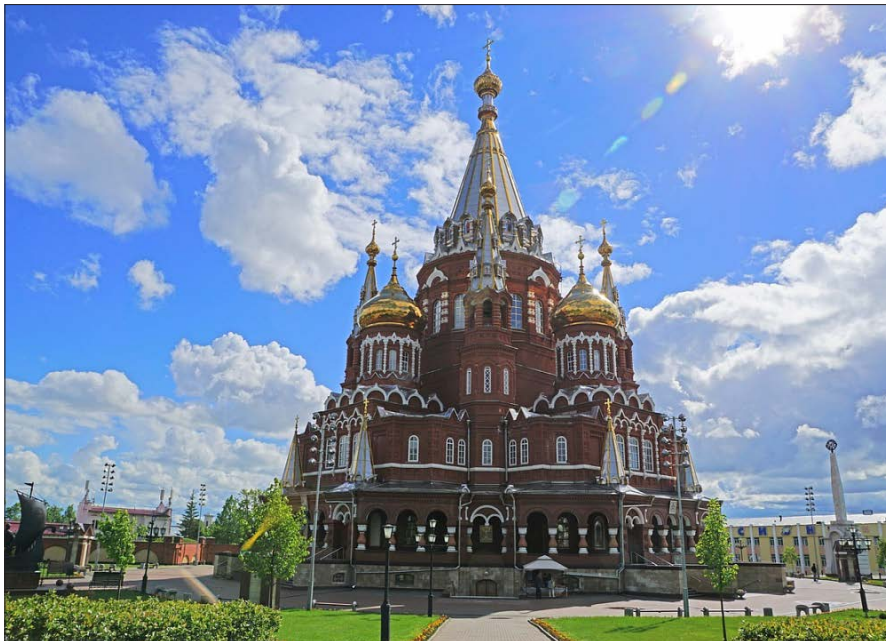
Все категории информантов имели общие представления о местах и памятниках, которые, по их мнению, символизировали историю города. Эксперты перечисляли известные исторические здания: главный корпус Ижевского оружейного завода, Арсенал, исторические улицы в центральной части Ижевска (Горького, Советская, К. Маркса, Пушкинская), центральные соборы Ижевска (Свято-Михайловский и Собор Александра Невского), Завод Бодалева, дом Лятушевича. Некоторые локации информанты называли как места, придающие городу уникальность и неповторимый облик: музей Ижевска, монумент Дружбы народов с эспланадой, район Соцгорода, городок Metallургов, Плоти́на, квартал «Дома на кирхе», кинотеатр «Россия» и бывший ЦУМ, музей искусств, памятник на месте гибели А. А. Дурова, Крестовоздвиженская часовня, музей им. М. Т. Калашникова.

В качестве пока не актуализированных, но потенциально привлекательных для горожан мест эксперты отмечали район Ипподрома с лесным массивом вокруг речки Карлутки, районы деревянной застройки на улице Красной и В. Сивкова, ДК «Ижмаш», памятник Ивану Пастухову. Среди неформальных объектов были названы памятник крокодилу, копия Царь-пушки, Дворец пионеров, памятник пельменю, сквер «Болото» на улице Коммунаров, памятник «Лось», парки им. Горького и им. Кирова, пространство «Открытый сад».

Свято-Михайловский собор.
1897 г. Фото из архива
ВООПИК

Свято-Михайловский
собор. 2018 г. Фото из
архива ВООПИК

Главный корпус Ижевского оружейного завода. Начало XX в. Фото из архива ВООПИК

Главный корпус Ижевского оружейного завода. 2020 г. Фото ИА «Сусанин»

Александрo-Невский собор. 2010-е гг.
Фото из архива ВООПИК

Александрo-Невский собор. 1930-е гг.
Фото из архива ВООПИК

Здание Арсенала Ижевского оружейного завода. Начало XX в. Фото из архива ВООПИК

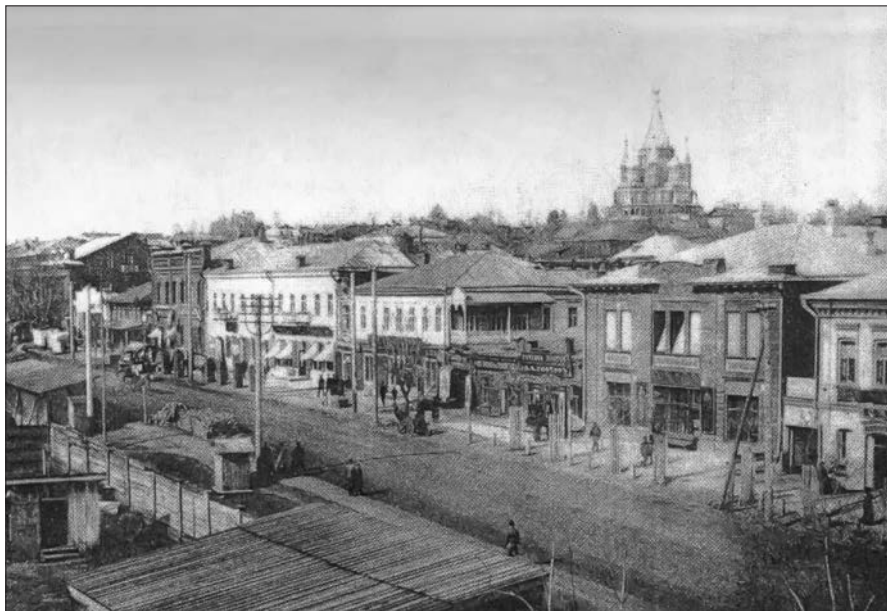
Здание Арсенала Ижевского оружейного завода. 1990-е гг. Фото из архива Национального музея им. К. Герда УР

Парк культуры и отдыха им. Кирова. 1950-е гг. Фото из архива ВООПИК

Парк культуры и отдыха им. Кирова. 2020 г. Фото предоставлено УК «Парки Ижевска»

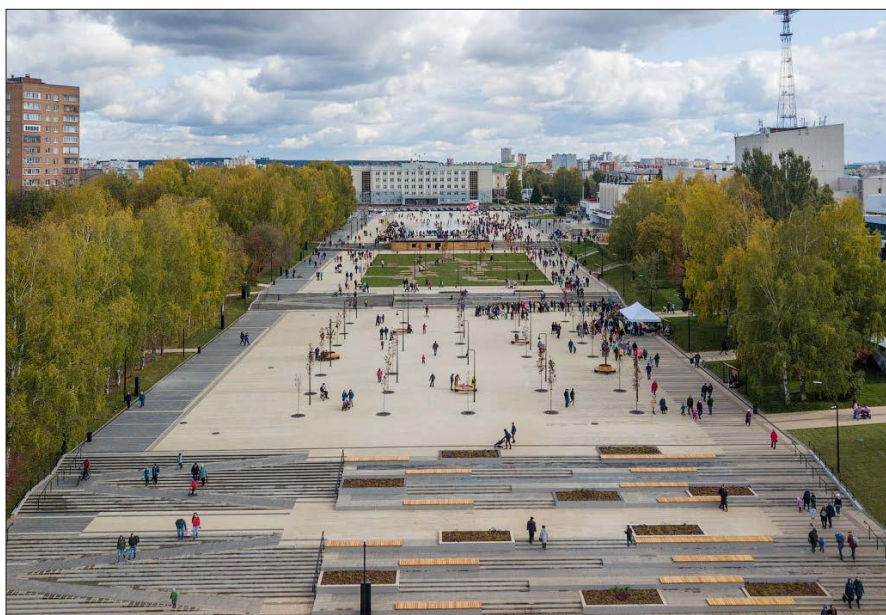
Купеческие дома на ул. Базарной (Горького). 1890-е гг. Фото из архива ВООПИК

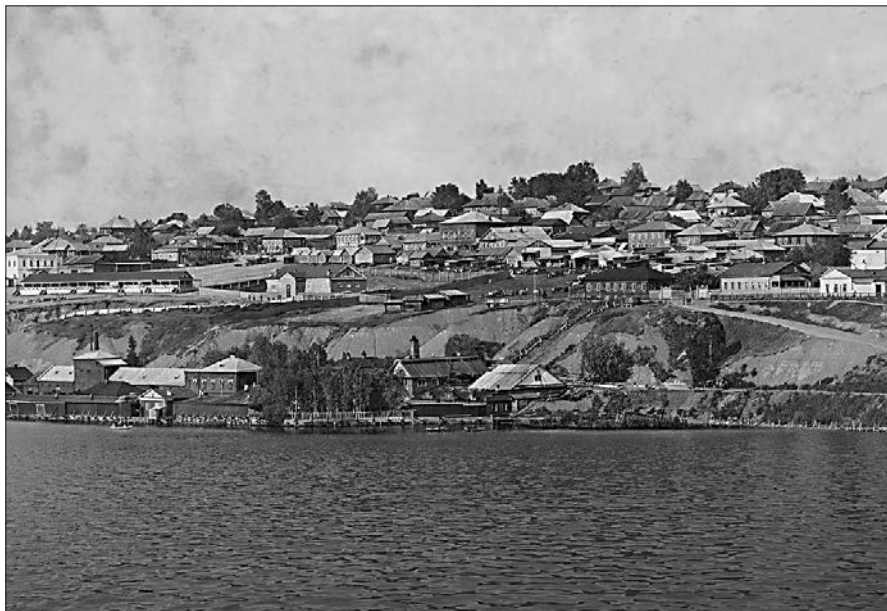
Купеческие дома на ул. Горького. 2018 г. Фото с сайта Яндекс.Карты

Центральная площадь. 1985 г. Фото из архива ВООПИК

Центральная площадь. 2019 г. Фото Ильи Варламова

Пивомедоваренный завод И. И. Бодалёва. Бодалёвский мыс. 1880-е гг. Фото из архива ВООПИК

Набережная. Здание справа – бывший завод И. И. Бодалёва. 2020 г. Фото Александра Ермолаева

Ижевский цирк. 1950-е гг. Фото из архива ВООПИК

Ижевский цирк. 2019 г. Фото предоставлено журналом «Деловой квадрат»

УСТИНОВ

Удмуртская республиканская научная библиотека им. В. И. Ленина. 1985 г. Фото из архива ВООПИК

Национальная библиотека Удмуртской Республики. 2020 г. Фото Бориса Бусоргина

В ряде интервью символами Ижевска, и, шире, Удмуртии, информанты называли феномены культуры, например, фестивали и праздники, фольклорный коллектив «Бурановские бабушки», феномен электронной музыки, любительский театр Les Partisans.

Говоря о личностях, которые могли бы представлять город, эксперты старались предложить альтернативу уже сложившимся «брендовым» персонам М. Т. Калашникову и П. И. Чайковскому. В ответ на предложение перечислить известных ижевчан экспертам легче удавалось назвать профессиональные и/или статусные категории, такие, как оружейники, инженеры, фабриканты старого Ижевска, генералы Ижевского завода, директора советских заводов, главы города Ижевска последних лет, профессора и преподаватели высших учебных заведений, представители удмуртской интеллигенции, музыканты, спортсмены. В трех интервью подчеркивали большое значение для имиджа Удмуртии артисток из коллектива «Бурановские бабушки». Их видели и в качестве участниц фольклорного коллектива, и как собирательный образ удмуртки. Еще одним собирательным образом стали «отцы-основатели» (Инт. 27), под которыми подразумевались первые архитекторы и градоправители Ижевского завода. Несколько сложнее для экспертов оказалось перечислить конкретных исторических или современных персонажей. Тем не менее в материалах интервью были представлены выдающиеся люди из разных сфер деятельности.

Символические конструкторы, которые представляли эксперты, с некоторыми вариациями воспроизводились в трактовке городских локаций, служивших значимыми точками для конструирования идентичности ижевчан. Вопрос об образе Ижевска в рамках опроса был незначительно модифицирован относительно методики 2009 года (Рупасов, 2009: 51), было предложено большее количество вариантов ответов или определений Ижевска.

В целом модификация привела к увеличению вариативности и в ответах респондентов (см. таб. 1), но базовые позиции рейтинга остались прежними. Больше половины горожан воспринимают Ижевск через обезличенную административную функцию или в качестве города оружейников; следующее определение, которое заняло третью позицию в рейтинге, отсылает к заводскому образу Ижевска. Значительно сократилось количество респондентов, которые воспринимают Ижевск через призму многонациональности.

ТАБЛИЦА 1. Распределение ответов на вопрос «Какие утверждения лучше всего отражают образ Ижевска?» (% по столбцу, от ответивших на вопрос; респондент мог выбрать до 3 ответов одновременно)¹

	2020 г.	2009 г.
Ижевск – столица Удмуртии	64,6	80,9
Ижевск – город оружейников	56,6	71,5
Ижевск – город-завод²	47,7	32,1
Ижевск – многонациональный город	24,6	45,2
Ижевск – культурная столица³	9,7	12,8
Ижевск – спортивный центр	9,4	10,7
Затрудняюсь ответить	6,6	н/д ⁴
Ижевск – образовательный центр	6,0	12,8
Ижевск – развлекательный центр	3,6	н/д
Ижевск – туристический центр	3,0	н/д

Невозможно сформировать четкие портреты, которые бы описывали приверженцев тех или иных способов определения Ижевска. Картина чрезвычайно неоднородна, в большинстве случаев отклонения находятся в пределах погрешности. Однако можно выделить ряд неявно выраженных особенностей. Так, ижевчане, которые проживают в городе от 5 до 15 лет, склонны в меньшей степени определять Ижевск через столичные функции. В большей степени Ижевск через призму заводской деятельности или оружейников воспринимают респонденты, которые проживают в городе более 15 лет. Через призму столичного статуса город чаще определяет молодежь: чем старше респондент, тем ниже вероятность, что он укажет на столичность Ижевска. Оружейный статус Ижевска наиболее значим для людей в возрасте от 30 до 50 лет, в то время как заводской статус Ижевска чаще выделяют молодые люди до 25 лет и люди старше 70. Менее обеспеченные ижевчане склонны чаще обозначать многонациональ-

1. В исследовании 2009 года респондентам предлагалось меньшее количество ответов, ответ «Ижевск – центр Ижевско-Воткинского восстания 1918-1919 гг.» был убран из исследования 2020 года.

2. В исследовании 2009 года – «Крупный промышленный центр».

3. В исследовании 2009 года – «Культурная столица Поволжья».

4. Здесь и далее «н/д» означает «нет данных».

ный характер города. К сожалению, в опросе 2020 года не была введена переменная национальной принадлежности, но по опыту опроса 2009 года можно предположить, что эта переменная не играла значительной роли (Рупасов, 2009: 53). Для более обеспеченных горожан наиболее значимым является оружейный статус Ижевска, в меньшей степени – его заводской статус.

Доминирование оружейного, заводского и государственного определения Ижевска находит своеобразное отражение и в тех людях, которые способны представлять город в масштабах России или мира. Как и в случае с образами Ижевска, данный вопрос был незначительно модифицирован через расширение возможных вариантов ответа на него (Рупасов, 2009: 53). Модификация привела к увеличению вариативности и в ответах респондентов (см. таб. 2). Первые две позиции рейтинга не изменились за последние 10 лет: наиболее значимыми людьми для горожан по-прежнему выступают М. Калашников и Г. Кулакова (с уменьшением доли тех, кто выбрал эти варианты ответа). На третью позицию (с четвертой в 2009 году) вышел П. Чайковский, в то время как А. Дерябин стал менее значимой фигурой для большой доли респондентов.

Необходимо отметить, что коренные ижевчане чаще остальных называют альтернативы топовым позициям рейтинга (например, С. Дудин, А. Дерябин, П. Шувалов). Чем меньше человек прожил в Ижевске, тем выше вероятность получить от него ответ о знаковости М. Калашникова, П. Чайковского. Среди более обеспеченных горожан чаще можно встретить альтернативы двум первым позициям рейтинга. С точки зрения остальных характеристик, как и в случае с основным образом Ижевска, мы не наблюдаем устойчивых взаимосвязей, которые бы могли однозначно описать портрет сторонника того или иного человека, связанного с г. Ижевском.

Кроме людей, которые способны представлять Ижевск в масштабах России или мира, респондентам предлагалось выбрать по аналогичному принципу знаковые места/объекты городского пространства. В исследовании 2020 года список таких объектов был значительно расширен, что привело к большей вариативности в ответах. Необходимо отметить, что сам по себе вопрос является стандартным для различных исследований города и неоднократно воспроизводился на разных выборках. Ниже приведены данные сравнения, начиная с 2004 года, по наиболее репрезентативным выборкам (Рупасов, 2009: 49-50).

Монумент боевой и трудовой славы. 1970-е гг. Фото из архива ВООПИК

Сквер Победы. 2019 г. Фото Павла Вершинина

ТАБЛИЦА 2. Распределение ответов на вопрос «Какие из перечисленных людей, имеющих отношение к истории нашего города, достойны того, чтобы представлять образ Ижевска?» (% по столбцу, от ответивших на вопрос; респондент мог выбрать до 3 ответов одновременно)

	2020	2009
М. Калашников (оружейный конструктор)	75,5	81,7
Г. Кулакова (лыжница)	43,7	54,3
П. Чайковский (композитор)	33,5	35,5
А. Дерябин (основатель Ижевского оруж. завода)	27,2	43,8
П. Шувалов (основатель Ижевска)	23,8	21,1
С. Дудин (архитектор, автор Генплана Ижевска)	16,5	12,8
К. Герд (поэт, общественный деятель)	15,7	12,8
Е. Драгунов (оружейник-конструктор)	13,8	н/д
И. Черезов (чемпион мира по биатлону)	9,1	18,1
Е. Кунгурцев (лётчик, Герой Советского Союза)	6,5	н/д
А. Загитова (фигуристка)	5,6	н/д
А. Москвин (горный инженер)	2,7	н/д

ТАБЛИЦА 3. Распределение ответов на вопрос «Какие здания и места города достойны того, чтобы представлять Ижевск в масштабах России (например, на открытках, в программе экскурсий для гостей)?» (% по столбцу, от ответивших на вопрос; респондент мог выбрать до 3 ответов одновременно)

	2020	2009	2004
Свято-Михайловский собор	44,3	75,6	н/д
Монумент Дружбы народов	30,9	24,3	37,6
Ижевский пруд и набережная пруда	27,0	16,9	23,1
Главный корпус Ижевского оружейного завода	23,2	20,5	25,9
Государственный зоологический парк Удмуртии	23,0	32,9	н/д
Центральная площадь города Ижевска	20,1	н/д	н/д
Собор Александра Невского	15,5	22,6	58,3

Продолжение на стр. 36

Арсенал (здание Национального музея УР)	14,4	26,4	42,7
Памятник ижевским оружейникам	13,0	н/д	н/д
Здание Государственного цирка Удмуртии	10,6	44,7	29,3
«Вечный огонь» на Карлутской площади	10,3	н/д	н/д
Парк культуры имени С. М. Кирова	9,8	н/д	н/д
Резиденция Главы УР («Президентский дворец»)	9,3	16,2	19,9
Генеральский дом (музей Ижевска)	8,2	н/д	н/д
Пивомедоваренный завод И. И. Бодалева	5,6	н/д	н/д
Сквер возле УдГУ с памятником А. С. Пушкину	4,5	н/д	н/д
Ансамбль старых зданий по М. Горького	4,0	н/д	н/д
Здание Национальной библиотеки	2,0	н/д	н/д

Как можно заметить из таблицы 3, отношение горожан к объектам и местам города подвержено значительным изменениям. Природа этих изменений может быть связана с реконструкцией и развитием других/смежных объектов городского пространства (по целому ряду объектов сказывается эффект «новизны» при введении его в городское использование). Обращает внимание на себя тот факт, что горожане все в меньшей степени ассоциируют город с историческими зданиями и сооружениями, относительно «устойчивый» объект в этом плане лишь главный корпус Ижевского оружейного завода. При этом в первой пятёрке рейтинга 2020 года представлены все типы значимых для Ижевска мест: культовые сооружения, советские памятники, исторические здания, природные объекты.

Учитывая многообразие вариантов ответов на вопрос о символическом пространстве города, для поиска вариантов ответов, которые были склонны давать респонденты одновременно, был проведен факторный анализ (использовался метод главных компонентов). Общая достоверность факторной модели находится на уровне 38 % (полученные главные компоненты объясняют 38 % разбросов ответов

респондентов, что является достаточно низким показателем). Всего на основе ответов респондентов было выделено пять основных главных компонентов, которые могли бы объединить ряд символов в один «набор». Первый набор объясняет 9,5 % разбросов ответов респондентов и объединяет в себе следующие символы: С. Дудин, А. Дерябин при обязательном отсутствии выбора Г. Кулаковой и П. Чайковского. Второй набор объясняет 7,5 % разбросов ответов респондентов и объединяет в себе следующие символы: Ижевск – город оружейников, Ижевск – столица Удмуртии, Г. Кулакова, М. Калашников. Третий набор объясняет 7,2 % разбросов ответов респондентов и включает в себя следующие символы: Зоопарк, П. Чайковский при обязательном отсутствии выбора монумента Дружбы народов. Четвертый набор объясняет 6,9 % разбросов ответов респондентов и включает в себя следующие символы: М. Калашников, Свято-Михайловский собор, Центральная площадь города при обязательном исключении К. Герда. Пятый, последний, набор объясняет 6,3 % разбросов ответов респондентов и включает в себя следующие символы: Ижевск – многонациональный город, Свято-Михайловский собор при обязательном исключении Ижевск – город-завод.

В целом можно сделать вывод, что, анализируя предпочтения горожан, невозможно сформировать единый целостный набор городских символов, который находил бы однозначную поддержку у большинства жителей Ижевска. Несмотря на то, что в опросе четко прослеживаются доминирующие символы, которые могут быть представлены именами, образами или городскими объектами, не существует внятной логики их сопряжения или объединения в массовом сознании. Наоборот, в ответах респондентов достаточно часто сочетаются, казалось бы, противоречивые или взаимоисключающие символы. Это дает возможность предположить, что существующие нарративы, несмотря на свою формальную воспроизводимость, плохо проработаны и укоренены в сознании рядового горожанина. В такой ситуации могут производиться достаточно успешные изменения символического пространства города.

Дом Ляпушевича.
фото Эдуарда Базияна

Почему для локальной идентичности важно историческое наследие?

Развитие городов связано со строительством новых зданий и кварталов. При этом встает вопрос о реконструкции или реновации тех пространств, которые уже были застроены раньше. Если в ходе новой застройки сносятся здания, возникают дискуссии о ценности тех или иных кварталов/домов. В США, где раньше, чем в других странах, появилась государственная программа перестройки городов, сформировалась практика публичных согласований в ходе принятия решений по инициативам о строительстве. С 1980-х по 2000-е годы в разных штатах девелоперы реализовывали проекты реставрации исторических кварталов. В итоге сложился клишированный образ «старого города», который широко тиражировался. Закрепилась идеология, согласно которой, если не разрушаются исторические объекты, это само по себе позитивное явление.

Р. Грац, описывая многочисленные примеры удачной и провальной реставрации исторических кварталов в крупных и небольших городах США, показывает, что процесс восстановления иногда заканчивается появлением пустых пространств (Грац, 2008: 194). Проектируя исторические кварталы, девелоперы использовали устоявшийся образ типичного американского городка, который был воспроизведе-

ден во многих местах. Альтернативой таким примерам сохранения исторической застройки стали проекты, инициированные местными активистами. Р. Грац подробно описывает исторический квартал в городе Саванна, штат Джорджия, где жителями был создан фонд, из которого финансировались процессы реконструкции исторического пространства. Любые изменения в пределах исторической части города должны были учитывать мнение местных жителей. Опыт реализации нескольких проектов по реставрации показал, что позитивным фактором является сохранение в реставрируемых районах численного превосходства старожилов над новоселами. Социальные проблемы возникали в тех районах, которые полностью заселялись заново. В то время как исконные жители кварталов часто сохраняли устойчивые социальные связи между собой и успешно интегрировали новоселов. Они также испытывали эмоциональную привязанность к домам или кварталу, демонстрировали устойчивую идентичность по отношению к месту (Грац, 2008: 286).

В социологических, антропологических и психологических исследованиях появляется специальная терминология, позволяющая выявить смысловые категории, которые определяют установки индивидов, живущих в некотором месте: «идентичность места» (place-identity). Концепт «места» важен потому, что пространства обозначаются символами, которые прочитываются индивидами. Места репрезентируют личные воспоминания, потому что расположены в социоисторической матрице межгрупповых отношений, опирающихся на социальную память, составленную из разделяемых историй и мифологем (Hauge, 2007: 5).

Однако на уровне анализа эмпирических данных становится очевидным, что «место» может ассоциироваться с разными элементами идентичностей. Например, Барселона является вторым по величине городом Испании, столицей автономной области Каталония и провинции Барселона. Барселонец может считать себя жителем города, жителем городского округа, если он живет в одном из пригородных поселков, или каталонцем. В 2013 году был проведен опрос, в котором приняли участие 400 жителей Барселоны и 400 человек из пригородных районов (Vallbe, Magre, Tomas, 2015: 7). В рамках исследования категории идентичности соотносились с возрастом, уровнем образования, величиной поселка, где жил респондент, и длительностью проживания в Барселоне или в ее пригородах. Как и многие современные города, Барселона разрастается за счет агломерации. Предпола-

галось, что чем активнее мобильность населения, тем слабее ощущается связь со столичным статусом (Vallbe, Magre, Tomas, 2015: 2). По результатам опроса выяснилось, что респонденты сильнее ощущали идентичность по отношению к этнической принадлежности, то есть считали себя скорее каталонцами, и только потом – жителями муниципального округа и Барселоны. Исключение составили люди среднего возраста (30-44 лет), у которых городская идентичность выражена сильнее, чем этническая. Респонденты из небольших муниципалитетов реже считали себя столичными жителями, чем те, кто жил в самом городе, особенно в центральных районах. Столичную идентичность демонстрировали также люди старшего возраста, которые родились в Барселоне, а в небольшой поселок переехали для того, чтобы жить там на пенсии (Vallbe, Magre, Tomas, 2015: 12). Таким образом, конфигурация идентичности жителей является результатом образа Барселоны, который ассоциируется с ее исторической ролью как центра Каталонии, а не крупного города.

Если основой идентичности становится образ города, этот элемент идентичности может «перекрывать» другие составляющие части. Практики сохранения исторического наследия в Санкт-Петербурге строятся на основе «Петербургского мифа». Одним из основных нарративов этого мифа, согласно исследованию Б. Гладарева, является метафора «живого» города, существующего в своем неспешном ритме, независимом от людей (Гладарев, 2013: 29-30). Архитектурные памятники Санкт-Петербурга осознаются как безусловная ценность как для горожан, так и для туристов. В корпусе интервью, собранном Б. Гладаревым, городские активисты, говоря о современных инициативах, замечают, что долгое время у застройщиков и чиновников не было денег, чтобы сохранить памятники Санкт-Петербурга, но и не было денег, чтобы их испортить. А сейчас, когда деньги на «порчу» появились, «стало дешевле испортить, чем сохранить» (Гладарев, 2013: 33). С начала XX века в Петербурге существует движение за сохранение памятников. У жителей Петербурга и отчасти у приезжих через городские памятники возникают личные переживания «питерских» пространств. Это способствует возникновению общественных движений, чья деятельность опирается на горожан, готовых к мобилизации для защиты знаковых для них мест.

Споры об историческом наследии в Ижевске

В корпусе интервью, собранных в Ижевске, отсутствовали пассажи, приписывающие субъектность городу. В Ижевске не сложился нарратив о том, что город «живет» или «хранит» историю. Можно предполагать, что отсутствие риторических приемов, приписывающих субъектность, соотносится со степенью актуализации исторического наследия и самим истолкованием содержания категории «наследие». Процессы городского планирования и благоустройства стимулируют к осмыслению целого ряда концептов, которые сочетают элементы академического знания и «практической теории» (в значении П. Бурдьё).

Как уже говорилось выше, большинство экспертов, принимавших участие в исследовании, включены в общее пространство общения, например, в ходе регулярных проектных сессий, связанных с развитием города. Но, апеллируя к необходимости сохранения историко-культурного наследия, информанты не были единодушны в интерпретации содержания концепта «наследие». Наиболее распространенными базовыми идеями для интерпретации наследия оказались следующие:

- представления, отсылающие к старинной архитектуре,
- акцент на материализации памяти,
- отсылка к историческому прошлому.

Эти элементы могли сочетаться в одном интервью или противопоставляться друг другу. Доминирование той или иной идеи в словах информантов было связано со сферой его/ее профессиональной деятельности.

Первой установке следовали эксперты с архитектурным и художественным образованием, включая в категорию «наследие» сохранившиеся старинные здания и дома, относящиеся к известным архитектурным стилям. Такой же позиции придерживались муниципальные служащие. Их интерпретация отсылала к решению практических вопросов, связанных с реставрацией и реконструкцией зданий, ремонтом построек и разрешениями на строительство новых домов и кварталов. Вторая установка, отсылающая к историческому прошлому, была характерна для сотрудников учреждений культуры, преподавателей, исследователей. Эта точка зрения «гуманитариев» могла включать разные акценты, от идеи интенсификации различного исторического опыта до подчеркивания исторически обусловленного своеобразия:

Когда мы копаем вот этот квартал, не самый центральный на тот момент на Карла Маркса, у нас начинает идти экспортный фаянс, фарфор. То есть это обозначает автоматически – снабжение поселка идет не по тем каналам, которыми снабжаются все остальные приличные места. А вот понимания этого устройства социального, завода как особого режимного объекта, совсем нет (Инт. 13).

Близкими по содержанию были высказывания информантов, установку которых мы отнесли к третьему типу интерпретации культурного наследия. Они активно использовали категорию «памяти», понимая наследие как воплощение индивидуальной памяти о живших прежде людях (Инт. 28) и как устную традицию. Эта последняя точка зрения была типична для информантов, представлявших сферу искусства, а также для экскурсоводов, которые осознавали, что рассказ об объектах историко-культурного наследия для широкой аудитории требует нарративных форм повествования. В одном из интервью особо отмечалось, что в сельской местности, где в последние годы также появились финансируемые из муниципального бюджета программы благоустройства, совершенно отсутствуют коммеморативные практики (Инт. 4). Жители поселков не используют нарративы о селе при проектировании общественных пространств.

Добавим, что некоторые информанты, чья деятельность предполагала практическую работу в рамках сохранения исторических и культурных памятников или проектов по благоустройству, видели город как нечто целое. Они особенно активно выступали против «точечной» реставрации, которой противопоставляли случаи системной работы с городским пространством. Любопытно, что даже случайные «находки» и решения в этом процессе находят объяснение как результат системного видения территории. В такой перспективе выделялись некоторые «находки», например, при обустройстве пространства «Открытый сад»:

Мы пришли как раз к тому, что там появилась как бы большая табуретка на входе, и на котором повисли трубы. И мы как раз сейчас всем говорим, что труба, как некий символ Ижевска. Ствол пушки, автомата, заводская труба. И при этом удмурты, у которых есть там тангыра, но он правда деревянный, но это висят как бы палки, ударяют по которым. Извлекался звук, который, с одной стороны, насколько я помню, был неким сигналом на дальние расстояния. (...) Ну и плюс как бы музыкальный инструмент. И мы сказали, давайте мы его подружим и повесим трубы. И, вот, это, наверное, такой первый был опыт, когда мы сказали, что мы в этом объекте подружили удмуртов и заводчан... (Инт. 24).

На уровне практической работы при дизайнерском оформлении пространств или объектов элементы удмуртской культуры вписываются в городскую среду. Но экспертные интерпретации совмещения компонентов этнической культуры и элементов городского образа жизни были противоречивыми. В российских регионах сложилась устойчивая ассоциация этнических групп с сельским образом жизни. Удмуртское население в Ижевске составляет лишь 14,8 % по итогам переписи населения 2010 года.

Как полагала часть экспертов, в Ижевске, как в столице Удмуртии, должны быть представлены объекты, символизирующие удмуртскую культуру. Наиболее распространенная позиция заключалась в том, что необходимо шире использовать удмуртский язык в различных режимах коммуникации. Участники исследования считали, что было бы полезно использовать объявления на удмуртском языке в транспорте, магазинах и торговых центрах, кафе (Инт. 3, 6, 18, 30). Предлагалось дублирование перевода на трех языках: русском, удмуртском

и английском. При этом некоторые информанты ссылались на опыт Республики Татарстан (Инт. 30). Они предполагали, что расширение практики использования удмуртского языка станет условием для психологического комфорта представителей этнической группы (Инт. 4).

Те, кто идентифицировал себя как удмурта(ку), или человека «с удмуртскими корнями», подчеркивали, что хотели бы видеть больше объектов, отсылающих к этнической культуре (Инт. 15, 22). Те участники исследования, которые имеют удмуртскую идентичность, но давно живут в городе, выражали сожаления, связанные с незнанием удмуртского языка и народной традиции (Инт. 8). Важной установкой была мысль о позитивном влиянии культурного разнообразия и о том, что Ижевск выигрывает от яркого проявления этого разнообразия в повседневной жизни (Инт. 15, 25). Второе место, вслед за усилением языкового присутствия, информанты уверенно отводили визуальной представленности элементов удмуртской культуры. Участники исследования старшего возраста, вспоминая советские времена, указывали на требование использовать удмуртский орнамент и другие этнически маркированные элементы в архитектуре. Теперь, в ситуации, когда специальных требований не предъявляется, сфера визуального присутствия «удмуртского» существенно сократилась.

Среди информантов были сторонники существенного расширения сферы присутствия удмуртской культуры, которая понималась как часть материального и нематериального исторического наследия. Одни из них только декларировали необходимость возрождения тенденции к акцентуации удмуртской культуры в архитектуре (Инт. 10) или в одежде и аксессуарах (Инт. 9). В других интервью описывались случаи, когда элементы удмуртской культуры проявлялись «сами собой» или им приписывалась соответствующая символика постфактум (Инт. 24, 27). Это дало основания для утверждений информантов-энтузиастов, что удмуртская культура укоренена в глубине идентичности горожан.

Все, что связано с удмуртской идентичностью, это то, что было на этом месте, это как корни дерева, которые питают ствол, листья и все остальное. Если корни убрать, то ствол и листья завянут, поэтому идентичность должна быть, но она должна пронизывать все это (Инт. 23).

Практиками, которые могли бы расширить символическое пространство удмуртской культуры, информанты считали активиза-

цию представителей этнических сообществ, в том числе в рамках социокультурного проектирования, которое все шире внедряется в учреждениях культуры, таких как городские музеи и Арт-резиденция (Инт. 7, 11).

Альтернативной точки зрения придерживались информанты, которые полагали, что нет необходимости специально выделять тему репрезентации удмуртской культуры в пространстве города. Наиболее типичная аргументация в рамках этой позиции отсылала к противопоставлению «русских» городов и «удмуртской» сельской местности (Инт. 14, 19, 26, 27). Высказывалась идея, что в Ижевске можно показать удмуртскую культуру благодаря ближайшим пригородам. Участники исследования использовали пример Архитектурно-этнографического музея «Лудорвай», расположенного в 18 километрах от Ижевска, для иллюстрации такого пространства между городом и деревней, которого «за глаза хватает» (Инт. 12). Предлагались идеи интенсификации коммерческого использования территории, прилегающей к музею «Лудорвай», за счет организации действующей по выходным ярмарки сельскохозяйственной продукции или торгового центра типа аутлета (Инт. 2).

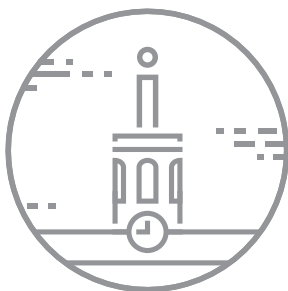
Скептическое отношение к практикам интенсификации удмуртской культуры было связано с пониманием универсальности креативных практик. Так, представители технической и творческой интеллигенции рассматривались в первую очередь как специалисты (Инт. 1) и только потом идентифицировались с дифференцирующими характеристиками, в том числе этническими:

Не делим по национальностям. И для нас, в принципе, это не имеет значение. Потому (что) у искусства, у него нет никаких рамок и границ (Инт. 29).

В риторике информантов формируется идея, что традиционный характер этнической культуры может затормозить развитие современных городских практик. В этом случае Ижевск, как считали участники исследования, потеряет элементы урбанистического образа жизни в пользу траектории музеефикации, как это проявляется на примере старинных русских городов, таких как Суздаль или Владимир (Инт. 5). Противопоставление трека технологичности и трека традиционности находило весьма метафорическое выражение в образах «Мордора» и «Хоббитании» (Инт. 16). Однако даже информанты, занимавшие скептическую позицию в отношении перспектив удмуртской

культуры, предполагали, что в результате реализации социокультурных проектов степень и характер представленности «удмуртского» может достичь «если не максимума, то оптимума» (Инт. 28).

Попытки определить круг объектов, составляющих историческое наследие, предпринимаются в Ижевске относительно недавно. С этим связана неопределенность как самого списка объектов, так и их символического значения. Материалы интервью демонстрируют отсутствие общих позиций даже у экспертов, принадлежащих общему профессиональному полю. Отсутствие однозначного истолкования символики особенно очевидно на примере дискуссий о месте этнической культуры в городском пространстве.

Что выбрать для реставрации?

Несмотря на различные установки по отношению к пониманию статуса историко-культурного наследия, информанты, называя основные объекты, нуждающиеся в реставрации и мерах по сохранению, придерживались одного и того же списка. Первые позиции по частоте упоминания занимают объекты историко-культурного наследия, которые в течение длительного времени нуждаются в реновации: главный корпус Ижевского оружейного завода, Генеральский дом, ансамбль купеческих домов на улице М. Горького. Многие информанты также называли дома послевоенной постройки на улице Пушкинской. В одном из интервью подчеркивалось, что эта часть списка наиболее упоминаемых объектов включает места, чье историческое значение очевидно для горожан (Инт. 16). Здания располагаются в самых посещаемых местах в центре города, то есть «на виду». Другие историко-культурные памятники, как подчеркивали информанты, не так явно воспринимаются широкой аудиторией в качестве наследия и перечисляются реже. Требуется дополнительные знания и контекст, чтобы включить в перечень таких объектов, например, такие памятники, как дом Лятушевича (ул. В. Сивкова, 180) или пивоваренный завод купца Бодалева на набережной. Эти здания называли прежде всего специалисты – историки и архитекторы. Такой же компетентный взгляд был необходим для упо-

Дом купца Оглобина.
фото с сайта artfile.ru

минания в качестве объектов сохранения и реставрации деревянных домов или целых кварталов. На взгляд обывателя, деревянные здания не обладают особой ценностью. Кроме того, кварталы деревянных домов располагаются за пределами основных прогулочных маршрутов.

Единичных упоминаний в материалах интервью удостоились водонапорная башня, плотина, здание музея «Ижмаша» (бывшее здание денежной кладовой) и музея искусств, Центральная площадь, дача купца Петрова на Воложке. Несколько информантов подчеркивали, что в Ижевске мало внимания получают архитектурные строения в стиле конструктивизма на улице Советской. Обсуждение проблемы реставрации конструктивистских зданий зафиксированы только в единичных интервью (Инт. 3, 8, 15). Даже эти информанты отмечали, что по своему значению объекты конструктивизма уступают постройкам более раннего периода начала XX века. Таким образом, если даже более старые здания находятся в плачевном состоянии, то, как признавали почитатели конструктивизма, на реконструкцию более поздних зданий нет надежды. Приоритет реставрации самых старинных зданий перед постройками более позднего периода признавали почти все участники исследования.

Информанты, которые работали архитекторами, а также те, кто профессионально проводил экскурсии, подчеркивали увеличившееся количество примеров неудачной застройки, включающих как жилые дома на центральных улицах, так и общественные здания, такие как президентский дворец (Инт. 2, 7, 17, 20, 25). Среди последних наиболее спорными были названы недавние проекты реконструкции бывшего кинотеатра «Дружба» и Индустриального техникума (Инт. 3, 12, 15). Опасения, связанные с утратой исторического облика, высказывали в отношении реконструкции библиотеки им. Ленина. Напротив, примерами удачной реставрации информанты называли работы, проведенные в соседних городах, в частности, в Сарапуле и в Казани, где ведутся систематические реставрационные работы. Информанты, имевшие образование в области истории или архитектуры, обращали внимание на необходимость сохранения наследия конкретных архитекторов разных исторических периодов: С. Е. Дудина, И. Т. Коковихина, В. П. Орлова, С. А. Макарова. По их мнению, последовательная работа позволила бы комплексно реставрировать городские памятники архитектуры (Инт. 6, 14, 17, 19, 29).

Участники отмечали, что, по опыту их взаимодействия с общественностью, для самих горожан историческая реконструкция остается

во многом нерешенной проблемой, прежде всего из-за фрагментарного характера процесса восстановления исторических зданий (Инт. 22, 23), который не имел и не имеет систематического характера. В отсутствие долгосрочных проектов реконструкции, как указывают информанты, реставрированные здания и благоустроенные пространства выглядят «рыхлыми» (Инт. 23). Они ассоциируются с точечной застройкой. Причинами несбалансированной политики информанты видели либо неэффективную работу государственных органов по охране памятников истории и культуры (Инт. 1), либо отсутствие сотрудничества учреждений культуры, власти и бизнеса (Инт. 24), либо недостаток работы с идентичностью горожан (Инт. 26).

В ходе обсуждения проблем реконструкции в части интервью возникала тема культурного квартала. Информанты предлагали два основных проекта его организации:

- в форме музейного комплекса, включающего Генеральский дом и главный корпус Ижевского завода,
- обустройство пешеходной улицы.

Как утверждали наиболее оптимистично настроенные информанты, Ижевск уже располагает идеей для масштабной реконструкции исторически значимых мест. Одной из инвестиционно привлекательных идей может быть концепция «второго Петербурга»:

Это очень сильная вещь – связь с Петербургом. Эта идея, значит, второго Петербурга, второй столицы. Она бы сильно выстрелила, конечно (Инт. 19).

Другие информанты на роль исторического пешеходного маршрута предлагали как отдельные улицы (Горького, Красногеройская, В. Сивкова, Свердлова), так и довольно протяженный маршрут, включающий весь центр города (Инт. 21).

В ряде интервью обсуждение вопросов определения объектов наследия привело информантов к формулировке проблемы пробелов в законодательстве. Информанты указывали, что законодательство позволяет эффективно выявлять объекты историко-культурного наследия и ставить их на учет, но в дальнейшем собственнику объекта (обычно речь шла о зданиях) позволяется вносить значительные изменения в конструкцию. Практика показала, что, когда здание передается владельцам, они начинают делать пристрой или меняют внешний облик фасада. Иногда изменения существенные (Инт. 1, 10, 12, 22).

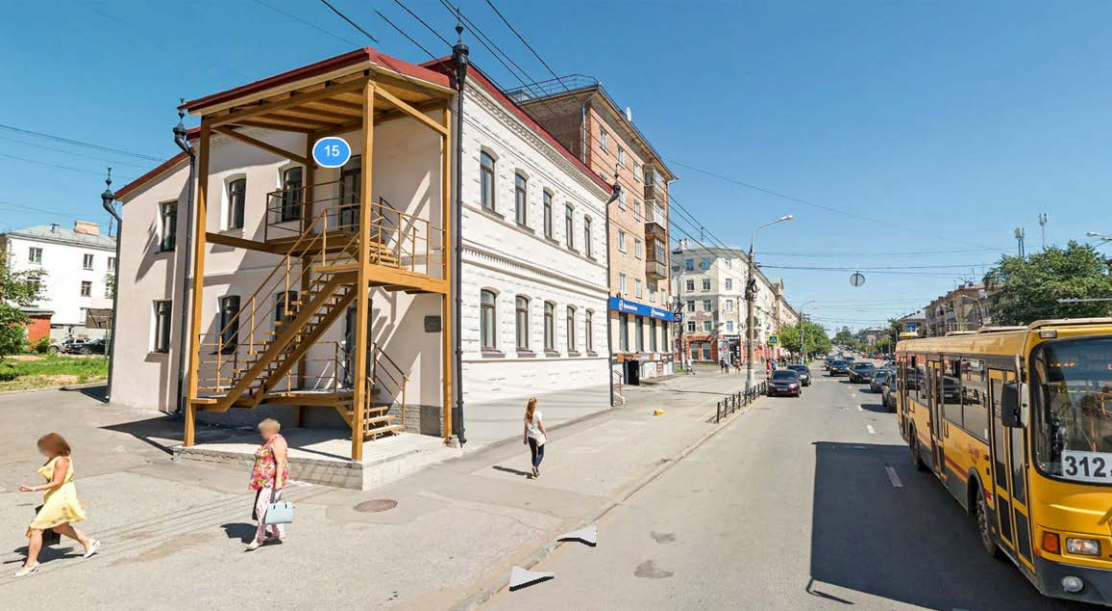
Однако попытки реконструкции пока коснулись лишь отдельных зданий. Систематическая реставрация не может ограничиваться точечным благоустройством, а стоимость масштабных работ, по оценкам экспертов, слишком велика (Инт. 20, 28). Те работы, которые выполняются в соответствии с выделенным бюджетом, оставляют впечатление «латания дыр», и это ведет к разочарованию ижевчан:

А сейчас у нас ремонт и содержание объектов культурного наследия – это за счёт средств собственника. А собственники это кто? Это вот пожилые люди, которые здесь в центре живут. Ну мы, допустим, сейчас посчитали смету на ремонт только уличных фасадов по Пушкинской, допустим, короткий дом стоит где-то миллионов семь-восемь. Фасад только, только уличные фасады (Инт. 17).

Из-за «точечного» характера реставрации жители Ижевска, по словам информантов, выше оценивают результаты программы городского благоустройства. Программы касаются организации новых или реконструкции уже давно существующих скверов, парков, прогулочных зон. Здесь результаты видимы для горожан, проекты реконструкции могут привлекать большее количество добровольцев. Волонтеры охотно откликаются на призывы о помощи, участвуют в субботниках (Инт. 4, 7, 14, 22, 24). Хотя бывает, что благоустройство городских пространств идет вразрез с задачами сохранения исторического облика центра города:

К сожалению, когда плитка кладется не на тот известковый раствор, чем тот, что был когда-то применим, даже может нанести ущерб памятнику (Инт. 22).

В практике муниципального управления развитие городской среды оказывается ограничено объемом выделенных средств. Проекты городского развития по федеральной программе «Формирование комфортной городской среды» отдают предпочтение парковым и рекреационным зонам. Реконструкция зданий осуществляется главным образом в коммерческих целях их собственником. Часто результаты реконструкции или реставрации исторических памятников не устраивают ни специалистов в разных областях, ни горожан.

Культурное наследие и коммерческий интерес

В предисловии книги «Экономика и культура» Д. Тросби вспоминает, как, читая просветительскую лекцию непрофессиональной аудитории, он предложил образ, который пришелся по душе слушателям. Экономика воплотилась в образе бизнесмена средних лет, а культура – в образе светской красавицы. Непрофессиональная аудитория не могла представить ситуации, где могли бы встретиться эти два персонажа (Тросби, 2013: 4). В то же время социологи и экономисты уже в течение нескольких десятилетий понимают культурные феномены как одну из форм финансовых активов. Культурная «продукция» совмещает символическую ценность и финансовую стоимость. С одной стороны, культурный капитал можно понимать как дополнение к экономической ценности продукта, но с другой – культурный капитал может увеличиться благодаря инвестициям (Тросби, 2013: 48-49). В публикациях 1990-х гг. постепенно преодолевается противопоставление «экономики» и «культуры» в пользу осмысления практик символического производства, разнообразия культурной продукции. Д. Хезмондалш определяет термин «культурные индустрии» через характеристики производства символических благ (Хезмондалш, 2014: 27). В рамках концепции культурных индустрий креативность не противоречит коммерции, а, наоборот, обеспечивает прибыль, функцио-

нирует в категориях рынка, является сферой для различных форм занятости. Тем не менее то, что культура может быть источником экономического роста, является вопросом для дебатов.

Культурная политика в Европе в 1980-1990-е годы была направлена на поддержку туризма и связанного с ним бизнеса. На практике культурная политика выдвигала идею развития городов в форме «культурных кварталов». Самый известный пример реализации такой программы – проекты Совета Большого Лондона. Хотя в качестве идеологического основания использовались цели демократизации потребления культуры, при принятии решений доминировали именно коммерческие интересы: все ключевые стейкхолдеры апеллировали к категориям рентабельности государственных инвестиций. Аналогичные структуры других европейских городов также были склонны к «левой» идеологии и ценностям неолиберализма. Предполагалось, что на практике произойдет демонтаж культурной иерархии и будут созданы новые рабочие места (Хезмондалш, 2014: 194). Но при реализации проектов происходило все большее сближение политических и экономических элит. Такие союзы складываются между представителями государственной или местной власти и бизнесом. Сочетание политических и экономических факторов в развитии городов, как это происходило в послевоенные десятилетия в США, предопределило то, что Х. Молотч называет «ростом». «Рост» проявляется в расширении городов, увеличении населения, оживлении деловой активности (Molotch, 1976: 310). Представление о необходимости координации власти и бизнеса становится своего рода императивом и воплощается в союзе органов власти и коммерческих структур, так называемых «машинах роста».

Складывающиеся «машины роста» испытывают энтузиазм по отношению к инициативам, так как через их реализацию можно укреплять авторитет (Molotch, 1976: 315). Машины роста активно используют различные каналы СМИ, в последнее время преимущественно электронные. Властные интересы в большой степени существуют как «идеология роста», не как рост сам по себе (Molotch, 1976: 317). Хотя и фактор идеологического воздействия имеет важную функцию, формируя желание горожан жить в своей местности, а это означает сохранение численности населения.

При этом наиболее далекоидущими последствиями «роста» в США были возможности проявления локальных инициатив, прежде всего в области инвестиций и развития бизнеса. Х. Молотч связы-

вает действие «машин роста» с людьми особого типа, которые хотят использовать политику для увеличения своего влияния. Чаще всего это бизнесмены, которые хотели участвовать в принятии решений. Но политики не всегда допускают их к реальным рычагам управления (Molotch, 1976: 318). И политики, и бизнесмены стремятся заручиться поддержкой других категорий населения, прежде всего представителей среднего класса, который, чем ближе к сегодняшнему дню, тем сильнее связан со стремительно развивающимися культурными индустриями. Точка применения машин роста сместилась с индустриальных проектов, которые анализировал Х. Молотч, в культурные индустрии. Марксистски ориентированный исследователь Д. Харви замечает, что качество городской жизни превращается в товар, имеющий потребительскую стоимость. Как результат, прибавочный продукт, который до недавнего времени концентрировался в распоряжении государства, приватизируется. Приватизация этого контроля означает усиление позиций бизнеса, увеличение масштабов частного инвестирования в культурные индустрии в западных странах (Харви, 2018: 418).

В настоящее время, когда опыт реализации культурных проектов в условиях сотрудничества власти и бизнеса есть почти во всех странах Европы, стали очевидными наиболее универсальные проблемы. По наблюдениям Дж. Викери, в городах Великобритании обычно появлялись «капитальные» постройки, при этом часть обязательств по их эксплуатации и использованию возлагалась на городской бюджет, в то время как наибольшую выгоду получает не сфера культуры, а строительный бизнес. Кроме того, представители власти и бизнеса добились выделения средств, которые уходили на реализацию крупных проектов. Напротив, не получали поддержки инициативы локальных профессиональных объединений, и, как следствие, не всегда прослеживалась связь с локальной идентичностью. Случалось, что горожане не принимали пространства или постройки как часть города, не считали их своими. Из-за стремления угодить туристам приемы строительства и дизайна пространств были достаточно однообразными (квазиевропейский стиль) без учета особенностей локальной культуры (Викери, 2009: 230).

В современной России функционирование «машин роста» имеет свои особенности. Но исследованы они на примере крупных городов, в частности, Санкт-Петербурга, где сосредоточены признаваемые исторические и архитектурные ценности. Как показывают Е. В. Ты-

канова и А. М. Хохлова, политические и экономические элиты трансформируют пространство, максимизируя выгоду, но при этом слабо учитывается мнение горожан. Бизнесу и власти особенно легко скооперироваться и создавать «машины роста», благодаря тому что такие союзы основаны на неформальных связях, как дружеских, так и родственных. (Тыканова, Хохлова, 2015: 245). В кейсах, собранных в Санкт-Петербурге, показано, что горожане даже не ждут, что их интересы будут учитываться и они смогут повлиять на принятие решений. В ситуациях, когда возникают противоречия, власти находятся на стороне застройщиков. А. М. Семенов считает, что такая ситуация характерна для всех крупных городов в России, что подтверждается содержанием публикаций в СМИ (Семенов, 2019). В ходе развития городских пространств власти делают выбор в пользу ресурсных игроков, в ущерб интересам как обычных граждан, так и представителей малого и среднего бизнеса.

Эффект инвестиций в благоустройство городского пространства оказывается трудно прогнозируемым. Одна из причин состоит в том, что практика координации с общественным мнением только формируется. Это подтверждает пример строительства на Центральной площади в Ижевске ледяного городка «Сказбург» в период новогодних праздников 2017/2018 гг.¹ Недовольство жителей было связано с тем, что ледяной городок, где за вход требовалось заплатить, занял место, которое воспринималось как общедоступное городское пространство (Борисова, 2018: 464). Сжатые сроки новогодних праздников и открытые дискуссии в социальных сетях позволили выявить целый комплекс противоречий между приватизацией с целью извлечения коммерческой прибыли и притязаниями горожан на доступность общественного пространства.

1. Обсуждение городка «Сказбург» было особенно активным в тематической группе в социальной сети «ВКонтакте» (https://vk.com/skazburg_izh), а также в публикациях в региональных СМИ: «Коммерсантъ» (<https://www.kommersant.ru/doc/3515272>) и Izhlife (<https://izhlife.ru/microscope/77627-chastokol-i-platnyu-vhod-za-cto-izhevchane-voznemavideli-ledovyy-gorodok-na-ploschadi.html>). Дата обращения 6.08.2020 г.

Возможные направления финансовых вложений в культурное наследие Ижевска

Обсуждения в интервью проблемы финансовых вложений в реконструкцию историко-культурного наследия вызвали полярные суждения. Отвечая на вопрос о возможностях привлечения инвестиций в сферу сохранения историко-культурного наследия и развитие городских пространств, информанты представили две позиции: одни выражали сомнение в возможности привлечения бизнеса в сферу культуры, другие придерживались противоположной позиции.

К первой категории относились информанты, которые работали в учреждениях культуры, в государственных и общественных органах охраны памятников, в академической сфере. При этом часть информантов просто констатировала факт незаинтересованности предпринимателей в реставрации историко-культурного наследия, не находя этому объяснения (Инт. 12, 20, 22, 28, 30). Те информанты, которые давно работают в сфере охраны памятников или имели опыт участия в масштабных проектах по реконструкции в прошлом, считали причиной слабого вовлечения бизнеса недостаток ресурсов. По их мнению, «правильная реставрация» требует больших затрат, предприниматели в Ижевске просто не имеют достаточно средств. Эти информанты видели альтернативу в привлечении финансов из федерального бюджета

та, как это было при реставрации Арсенала в начале 2000-х гг. Формулировалось понимание, что решающую роль в этих процессах играет позиция главы региона:

Хорошо, были такие авторитетные личности, как А. А. Волков, в воссоздании Михайловского собора. (...) И туда вложилась ведь весь город: и бизнес, и бюджетники, и все-все-все (Инт. 17).

В риторике экспертов также подчеркивается, что в регионах наиболее эффективным инструментом оказываются федеральные программы (Инт. 1, 16), позволяющие направить на реставрацию значительные средства, которыми не располагает бизнес. Опыт реализации проектов по благоустройству показывает, что за счет частного капитала успешно осваивается территория, прилегающая к историческому зданию, но не само здание (Инт. 1, 4).

Вторая группа информантов проявляла осторожный оптимизм в отношении частных инвестиций. Более определенно высказывались представители региональных органов управления и автономных НКО, связанных с проектами благоустройства, утверждая, что «все к этому готовы» (Инт. 14), «уж найдены инвесторы» (Инт. 10), «есть пространство взаимодействия государства и бизнеса» (Инт. 7). Этот оптимизм опирался на трактовку экономических процессов, как ее представляют на уровне муниципального и регионального управления. Перспектива виделась представителями власти таким образом, что конкуренция инвесторов в крупных городах неизбежно вытеснит столичных бизнесменов в провинцию:

И собственно мои коллеги в Москве говорили, что в регионы готовы заходить люди, готовы заходить инвесторы. Там, на определенных условиях, но непосредственно с теми людьми, с которыми я разговаривала, это хлебозаводы. Они этого не слышали, не поняли. (...) Я на самом деле думаю, что сейчас в Москве, в Питере этот рынок будет плюс-минус в скором времени перенасыщен, и уже люди понимают, что регионы – это следующая ступень. (...) На самом деле уже давно там, в той же Казани, в Перми, ещё где-то, это получилось. В Ижевске пока такой площадки нет, я думаю, тот первый, кто зайдет, у кого получится, соберет всю аудиторию себе (Инт. 21).

Информанты, не связанные с практикой государственного и муниципального управления, но считавшие, что привлечение бизнеса возможно, позитивно оценивали потенциал передачи исторических зданий в долгосрочную аренду (Инт. 3). Они также надеялись на возрождение традиций дореволюционного русского меценатства (Инт. 10). С другой стороны, представители муниципальных органов управления, говоря о попытках найти инвесторов, переходили к перечислению конкретных проблем, к которым относились проблемы собственности или аренды земли и зданий, а также практик обременения, налогообложения (Инт. 2). Но первоочередной задачей муниципалитета, по их мнению, является содержание жилого фонда, которое требует все большего объема ресурсов, а не реконструкция старых зданий. Жители обращаются с текущими коммунальными проблемами, которые муниципалитеты не успевают решать:

У нас захлебываются специалисты от такого количества обращений. Я недавно сделал статистику. И в некоторых отделах у нас получается 98 писем-ответов в месяц на одного человека (Инт. 2).

Представители муниципальной власти надеются на те решения, которые может предложить бизнес. Представители деловых кругов давали собственное видение городских проблем. Конкретные коммерсанты были выбраны для участия в настоящем исследовании потому, что они имели опыт работы с объектами исторического наследия. У части бизнесменов опыт был получен в рамках общественной деятельности, то есть они участвовали в принятии локальных решений, являясь членами, например, Общественной палаты. Со своей позиции они признавали сложности инвестирования в сами объекты историко-культурного наследия, но полагали, что предприниматели могут вкладывать средства в туристическую инфраструктуру (бары, кафе), а также инвестировать в подготовку специалистов, необходимых для экономики региона (Инт. 5). С другой стороны, те бизнесмены, кто принимал прямое участие в реконструкции зданий, детализировали конкретные сложности, в частности, положения законодательства, запрет на ведение некоторых работ:

Сложно учесть все интересы, законы, все требования потому, что в старых зданиях, к сожалению, там потолок внутри поменять нельзя, и я это понимаю. Но, скажем так, в

некоторых случаях слишком бюрократизирован процесс, ну понятно, (...) что в центре коммуникации чертежи, вот, тихонько бьемся (Инт. 25).

В материалах исследования есть рассказ о случае, когда предприниматель оказался разочарован реконструкцией, так как, несмотря на все усилия, не удалось сохранить «старину»:

Но у нас был опыт одного исторического как бы здания. Вот, мне кажется, что там не очень мы можем гордиться. Хотя, конечно, там обошлось, практически обошлось без достройки и придумывания. (...) Там максимально было сохранено то, что есть. Но по тому, как выглядит фасад витрины, мне тоже не нравится. Не получилось, как бы прямо как бы, не знаю, такой вот шедевральности. Слишком пахнет новым. Хотя очень старались (Инт. 24).

Проблема инвестирования в реконструкцию историко-культурного наследия оказывается тесно связанной с представлением о механизмах налогообложения. Это особенно актуально для коммерсантов как главных налогоплательщиков. В риторике бизнеса налоговые льготы не компенсируют затраты на реставрацию исторических зданий. Второй содержательный элемент в нарративе предпринимателей заключался в утверждении, что занятие бизнесом автоматически предполагает уплату налогов (Инт. 23, 27). Таким образом, участие в социальных программах выглядит как дополнительное обременение. Информанты, которые участвуют в программах благоустройства городского пространства уже длительное время, формулировали даже не общие предложения, а конкретные программы. Один из информантов указывал на потенциал механизмов эндаумента¹. Налоговые отчисления по желанию бизнеса частично могут быть направлены в эндаумент-фонд. Это могло бы сделать финансовые потоки подотчетными для власти и институтов гражданского общества. Таким образом, организации или предприятия без увеличения суммы налога, что

1. Эндаумент – целевой фонд, предназначенный для использования в некоммерческих целях, как правило, для финансирования организаций образования, медицины, культуры. (Эндаумент. // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/239274> (дата обращения 20.02.2020)) В этом разделе эндаумент рассматривается как инструмент предпринимательской активности. Эндаумент как форма вовлечения горожан будет обсуждаться ниже.

особенно важно для малого и среднего бизнеса, были бы уверены, что средства направляются в пользу конкретного объекта, и имели бы возможность контролировать результат капиталовложений:

Если мы это пробьём, то (...) через три-четыре года мы получим приток людей, которые будут размещать свои капиталы здесь (Инт. 19).

Бывают ситуации, когда спонсорская помощь на реставрацию приходит «обходным путем», что подтверждает пример меценатской помощи любительскому театру Les Partisans. Не получив финансовой поддержки от министерства культуры, самодеятельный театр начал принимать активное участие в грантовых программах. Именно в рамках театральной деятельности срабатывали краудфандинговые механизмы, включая продажу билетов, простой сбор средств и формы работы, предполагавшие оплату актерских мастер-классов для начинающих актеров (Инт. 8, 11). Театр также опирался на спонсорскую поддержку благодаря сотрудничеству с девелоперскими фирмами и коммерсантами. Когда театру предоставили помещение в комплексе исторических зданий, то средства на ремонт зала нашлись относительно легко:

Там был просто сарай, ничего не было, пола не было, мы обратились к нашим зрителям, сказали, что вот у нас нет средств, но нам нужно, мы посчитали 140 тысяч, чтобы сделать минимальное условие – пол. Чтобы можно было показывать спектакли, а потом уже с продажи билетов, дальше продолжать какой-то ремонт. И за две недели мы вместо 140 тысяч собрали 250. (...) Нам помогали и простые зрители, которые там по тысяче переводили, и кто-то из бизнеса, которые там оплачивали стройматериалы, уже на более серьезные суммы. И вот нас это так удивило, что, что вот мы почувствовали, что вот мы нужны (Инт. 8).

Можно предполагать, что препятствием для развития механизмов меценатской и спонсорской помощи является отсутствие эффективно действующих социальных институтов. Критическое значение в меценатских практиках имеет личная дружба спонсора и бенефициара. Тогда спонсорской помощи можно ожидать от коммерсантов, имеющих личную заинтересованность. Бывает, что за спонсорской помощью сразу обращаются к друзьям: «У меня много друзей. Я могу

прийти попросить, но всё реже и реже дают» (Инт. 26). Активное инвестирование предполагает отношения взаимной поддержки, они строятся на доверии. Это, однако, препятствует реализации даже проработанных и подготовленных инициатив, если коммерческое предложение приходит со стороны (Инт. 21). Директор городского музея, подготовив проект сотрудничества со строительной компанией, не смогла договориться о совместном проекте с ней, так как коммерческая выгода не была очевидной:

И у нас был даже проект создан, как реновация музея и строительство дополнительного корпуса. (...) Но пока мы находимся в таком положении, и культура постоянно, как говорится, все эти вот объекты «с протянутой рукой», мы не интересны бизнесу (Инт. 29).

Вместе с тем информанты соглашались, что коммерческое использование объектов историко-культурного наследия возможно. Многие приводили позитивные примеры. Участники исследования в первую очередь называли старинные дома, перестроенные в магазины, кафе и рестораны: дом купца Оглоблина («Оглоблин»), дом купца Килина (бар «Сегодня можно»), Дом композиторов (Инт. 1, 3, 20, 28). Заметим, что в части интервью те же объекты выступали как спорные примеры реставрации (Инт. 12, 15). Критика касалась способов придавать старинным зданиям эстетические элементы, характерные для современной городской архитектуры (яркие цвета, внешние конструкции). В целом специалисты по охране памятников констатировали стремление бизнесменов использовать не столько само здание, в чем собственники ограничены, сколько прилегающую территорию (Инт. 1, 28).

По мнению некоторых информантов, удачные примеры инвестирования средств в объекты историко-культурного наследия можно найти не в Ижевске, а в соседних городах. В качестве образца участники исследования называли Казань, Нижний Новгород, Елабугу, Киров, Сарапул. Причем трансформации в крупных городах информанты связывали с благоприятными условиями ведения бизнеса (Инт. 6). С другой стороны, успех Елабуги или Сарапула информанты объясняли позицией муниципальной власти, которая могла гарантировать как заботу об объектах наследия, так и коммерческие интересы предпринимателей (Инт. 12, 16, 20).

Заинтересованные стороны могли наблюдать эффективную структуру инвестирования в сферу культуры за рубежом. Бизнесме-

ны и чиновники составляли ту категорию участников исследования, которые регулярно бывали за границей в деловых и туристических поездках. Они полагали, что необходимо транслировать европейский опыт соблюдения баланса интересов бизнеса и культуры (Инт. 24). Приводились примеры, описывающие программы городского развития. При этом внимание чиновников фокусировалось на способах использования объектов культурного наследия в качестве социально ориентированных задач (Инт. 2):

[В Италии – Т. В.] очень много объектов культурного наследия, они отдают какие-то виллы кого-то вот таким вот детским садам. Там у них огромные территории, они же раньше все с точки зрения обороны строились, такие мини-крепости. Для садика – идеальная ситуация: одни ворота, никто никуда не сбежит. Отдают вот этим вот конторам, которые готовы заниматься детскими садами (Инт. 2).

Напротив, бизнесмены обращали внимание на примеры коммерческого использования (кафе, рестораны, гостиницы). В материалах интервью фигурировали такие страны, как Латвия, Грузия, Италия, Великобритания, США (Инт. 24, 25).

Помимо исторических зданий, в материалах интервью фигурировали такие примеры сотрудничества бизнеса и представителей сферы культуры, которые предполагали благоустройство городских пространств. Упоминались Центральная площадь, проект «Открытый сад», проект «Вернем реки городу». Упомянутые проекты рассматривались как реализация совместных интересов бизнеса, органов власти и общественных объединений. Они сопровождались организацией проектных семинаров с участием широкой общественности. Реализация проектов опиралась на привлечение добровольцев и волонтерских организаций. Все мероприятия проекта соотносились с позицией горожан и других заинтересованных сторон.

Кинотеатр «Дружба».
фото с сайта Яндекс.Карты

Экономика города и креативная индустрия

Общим местом для большого числа работ по урбанистике, экономике и социологии города стало понимание города как драйвера экономического и социального развития регионов и стран. При этом сегодня не существует универсальных и исчерпывающих объяснений того, почему одни города в мире преуспевают с точки зрения своего развития, а другие, несмотря на благоприятные географические условия и базовые стартовые возможности, испытывают упадок и деградацию. Одной из последних переведенных на русский язык крупных работ, в которой содержится попытка обобщения всего международного опыта городского анализа, является книга Майкла Сторпера «Ключи от города: как устроено развитие?». Несмотря на то, что исследование автора, в первую очередь, базируется на кейсах западных городов, его анализ достаточно любопытен с точки зрения эмпирической проверки и верификации большого числа популярных сегодня в России тезисов о городском развитии.

М. Сторпер в своих исследованиях отталкивается от экономического анализа города как места производства благ. Несмотря на базовые экономические предпосылки рассмотрения городов, которые связаны с общей ориентацией на Новую экономическую географию (далее НЭГ), автор понимает важность изучения социальных процес-

сов. При этом анализ эмпирического материала показывает, что невозможно рассматривать специфику развития города без отсылки к экономическому контексту макрорегиона и ближайшего географического окружения. Важным социальным и экономическим процессом для НЭГ является процесс концентрации. Именно города позволяют концентрировать различные ресурсы, тем самым извлекая максимальную выгоду из совместного их использования, распространения и преобразования. Ресурсы здесь понимаются в предельно широком смысле этого слова и включают в себя в том числе социальный капитал и дополнительные смыслы, которые имеют хождения в определенных социальных группах (Сторпер, 2018: 62). Одновременно с этим необходимо отметить, что, несмотря на рост и развитие информационных технологий, которые по мнению аналитиков должны были привести к нивелированию пространственных ограничений, на практике наблюдается все большая регионализация и кластеризация определенных типов производств и связанных с ними услуг. Города в этой связи выполняют скорее функцию управленческих и сервисных хабов, стягивающих на себя информационные потоки.

Принимая значимость экономики в развитии любого города, М. Сторпер обращается к анализу роли людей в становлении успешных и эффективных городов. Отправной точкой для его анализа является анализ рабочих мест как основного двигателя перемещения трудовых (людских) ресурсов. Первоначальная ориентация большинства экономических теорий сводилась к простой констатации факта, что люди следуют за рабочими местами (Fröbel, Heinrichs, Kreye, 1980). Но общие теории экономического развития городов 60-80 гг. прошлого столетия были подвергнуты жесткой критике за невнимание к роли человеческого фактора и креативности в экономическом развитии территорий (Флорида, 2007). После волны исследования «креативных индустрий» и роли человеческой способности в создании нового (Сторпер, 2018: 113) на достаточно длительное время утвердился обратный тезис, что люди, развивая территории, создают новые рабочие места. М. Сторпер занимает в этой дискуссии промежуточную позицию, указывая на цикличность развития территорий, отраслей и рабочих мест. При этом он подвергает критике популярную в настоящее время теорию Р. Флориды о креативном классе. Базовым тезисом для М. Сторпера остается то, что разнообразие и креативность в городском пространстве является первичным следствием, а не причиной экономического роста и развития городов середины прошлого

столетия (Сторпер, 2018: 109). Сегодня для городов человеческое разнообразие, толерантность и креативность является необходимым, но недостаточным условием для развития, требуются и иные факторы (Сторпер, 2018: 115). К этим факторам будут относиться: географические и финансовые условия, развитые институты (или параллельный процесс их формирования), развитые сети обмена и просто совокупность случайных событий (Сторпер, 2018: 143). И даже при соблюдении всех основных компонентов необходимо учитывать, что «успех» всегда временное явление, а развитие города требует постоянных изменений и приращения «инновациями».

Отдельным вопросом становится роль сообществ в развитии экономики города. Осознавая проблематичность употребления понятия «сообщество», М. Сторпер концентрирует свое внимание скорее на анализе неформальных сетей и сетей, основанных на общих интересах (Сторпер, 2018: 158). Для него сообщества могут как усиливать, так и тормозить рост и развитие в городе. С этой точки зрения, автор скорее говорит о необходимости соблюдения баланса между интересами конкретных городских сообществ и институциональными рамками (по сути, им воспроизводится классическое для социологии противопоставление общества и сообщества). Слабый уровень развития институтов, даже при значительном уровне развития социальных отношений (что обычно носит компенсаторный характер), приводит к увеличению транзакционных издержек, широкой ориентации на ренту, к воспроизводству социального неравенства. Сильное развитие институтов в ситуации слабого развития сообществ приводит к быстрому затуханию роста, стагнации большого количества территориальных единиц, нехватке инноваций (Сторпер, 2018: 196). Балансирование этих двух аспектов существования города должно происходить на уровне «здорового политического процесса», как в самом городе, так и на уровне страны/макрорегиона (Сторпер, 2018: 271). Отсутствие развитого политического процесса способствует возникновению большого количества эндогенных и экзогенных городских проблем, общей деградации города, его сжатию и исчезновению.

М. Сторпер не концентрирует свое внимание на ситуациях сжатия городов, его интересуют в первую очередь «благополучные» или «промежуточные» кейсы городского развития. Но сама проблема исчезновения малых городов (параллельно с исчезновением сельских поселений) и сжатия средних городов с деградацией инфраструктуры становится все более актуальной для всего мира. Для России эта про-

блема актуальна как никогда, учитывая советскую специфику развития городских территорий (Гулько, Еременко, Батунова, 2020: 122). Отечественные исследователи в своей работе выделяют достаточно жесткие критерии отнесения городов к сжимающимся. Одновременно с этим существует альтернативная практика рассмотрения городов в качестве сжимающихся, руководствующаяся простым демографическим критерием в сочетании с нестабильным экономическим ростом (Yu-Min, Se, 2017: 2).

Использование более широкого определения сжимающихся городов позволяет отнести к ним достаточно большое количество индустриальных и советских городов (Ижевск с его демографической ситуацией здесь не исключение – см. раздел, посвященный демографии), которые испытывают трудности с переориентацией своей экономики. Необходимо отметить, что тот же М. Сторпер, несмотря на свой «экономизм» в рассмотрении городского развития, заостряет внимание на том, что индустриальная (промышленная) ориентация городов в 20 веке скорее является отклонением с точки зрения тысячелетнего контекста существования городов (Сторпер, 2018: 111). Исторически города — это центры развития торговли, сервисов и услуг, а не инфраструктура с тяжёлой промышленностью. С этой точки зрения, для любого сжимающегося сегодня города встает вопрос его ориентации на развитие «постиндустриальной» экономики. Но всегда ли это возможно?

Достаточно большое количество современных статей по урбанистике крайне критично относятся к существовавшей длительное время неолиберальной парадигме развития городов с общей ориентацией на рост (Yu-Min, Se, 2017: 3). Для части территорий экстенсивный рост уже исчерпан и невозможен вследствие ограниченности земли и высокой плотности населения, для некоторых территорий интенсивный рост является проблематичным с точки зрения демографической и региональной экономической структуры. Означает ли это, что такие территории должны деградировать? Возможно ли поддержание на них относительно благополучных условий проживания для горожан? И отечественные, и зарубежные исследователи склонны отвечать на эти вопросы утвердительно, при условии управляемости процесса сжатия города. Общим «больным местом» для отечественной практики городского управления является отказ от признания географического и экономического сжатия территории (Гулько, Еременко, Батунова, 2020: 133). Дополнительной проблемой выступает

социокультурная деградация городской среды в малых и средних городах России (Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016: 276-278). Международным исследователям именно развитие (а не рост) с опорой на культуру и поддержание локального уклада видится ключом к сохранению уровня жизни горожан на приемлемом или высоком уровне в ситуации городского сжатия.

С точки зрения изучения роли креативных индустрий показателен кейс города Пусан (Южная Корея), который может быть интересен и для постсоветских индустриальных городов. Его суть заключается в развитии городского района «Тотатого» вне парадигмы «машины роста», то есть без широкого привлечения коммерческих инвестиций с потребностью в их возврате (Yu-Min, Se, 2017: 11). При этом ведущую роль в развитии этого района играли местные художники, жители и городские власти. Базовой потребностью являлось остановить деградацию старой городской застройки, сохранить «аутентичность места», позволить местным жителям поддерживать приемлемый уровень жизни, задействовав в этом представителей местных креативных индустрий. Подчеркивается, что в масштабах городского бюджета это не потребовало значительных вложений. Деньги «вкладывались» в элементарный ремонт и сопровождение мастерских в существующих зданиях, причем по облегченной схеме бюрократического контроля (ввиду незначительности сумм). После первичных вливаний инициатива была востребована художниками, которые подключились к жизни всего квартала (Yu-Min, Se, 2017: 12). Аккумулируя собственные ресурсы и ресурсы жителей (не всегда финансовые), удалось воссоздать уникальность места и вовлечь местных жителей в художественную активность. Собственно активность художников была первоначально ориентирована именно на вовлечение проживающих в районе горожан. В дальнейшем художественная активность стала привлекать горожан соседних районов и туристов, что дало относительно стабильный финансовый поток и вернуло жизнь в деградирующую территорию. Необходимо отметить, что базовый интерес художников, ориентация муниципалитета на творческую свободу и отсутствие жестокого контроля за финансированием авторами видятся ключевыми составляющими успеха (Yu-Min, Se, 2017: 13).

Несмотря на относительную успешность проекта Тотатого, сами исследователи задаются вопросом о будущем состоянии этого района. Они осознают, что без стабильного (хоть и скромного) финансового потока со стороны туристов проект перестанет существовать, а

увеличение финансового потока со стороны туристов или инвестора может разрушить «магию места» и превратить его в очередную «машину роста» (Yu-Min, Se, 2017: 19). Необходимо отметить, что сама по себе эта дилемма не уникальна. Знаменитые кейсы Нью-Йорка (Zukin, 1982) и поздняя история развития некоторых кварталов Берлина (Пространство города для человека, 2016: 19) показывают, что культурная индустрия, опираясь на силы местных художников и отсутствие регулирования, способна демонстрировать творческий потенциал для развития непродолжительное время. Импульс, полученный в результате художественного преобразования территорий, обязательно требует дополнительных финансовых вливаний со стороны «классических» финансовых или девелоперских групп (то есть формирования «машины роста»), а если его не происходит, то территория деградирует с точки зрения своей физической инфраструктуры. В этом плане замечание М. Сторпера о том, что креативные индустрии всегда базируются на более широкой экономической и инфраструктурной сети и способны выступать лишь в качестве мультипликатора роста, вполне оправдано. Сама по себе креативная индустрия может дать непродолжительный импульс, но не обеспечить стабильный рост и развитие. Кроме того, как отмечалось в других разделах, высокая доля туризма, развлечений и других сервисов в экономике города может создавать большое количество локальных проблем.

Район «Металлург».
Фото Константина Ившина

Город Ижевск как место постоянного проживания

Одним из опережающих сигналов сжатия и деградации территории является общее намерение жителей покинуть место своего постоянного проживания. В разделе, связанном с демографией, показывалось, что общая ориентация на миграцию в Ижевске остается на достаточно высоком уровне. С целью косвенного определения отношения опрошенных к г. Ижевску как месту проживания была использована серия вопросов, обращающихся к оценке гипотетической ситуации желаемого места проживания детей. Вопрос напрямую заимствовался из инструментария 2009 года (Рупасов, 2009: 69). Сопоставление ответов респондентов представлено в таблицах 4-6. За десять лет ответы ижевчан на эти вопросы значительно изменились. В целом более четко оформилась группа жителей, которая негативно оценивает перспективу проживания своих детей в г. Ижевске (рост доли практически в два раза), общее несогласие с утверждением о проживании детей в Ижевске возросло с 21,9 % до 37,8 % (сумма ответов «совершенно не согласен» и «скорее нет, чем да»).

ТАБЛИЦА 4. Распределение ответов респондентов на вопрос о согласии с утверждением «Я хочу, чтобы мои дети жили в Ижевске» (% от опрошенных)

	2020	2009
Совершенно не согласен	11,9	6
Скорее нет, чем да	25,9	15,9
Скорее да, чем нет	30,1	31,7
Полностью согласен	20,1	31,1
Затрудняюсь ответить	12,1	15,3

ТАБЛИЦА 5. Распределение ответов респондентов на вопрос о согласии с утверждением «Я не против того, чтобы мои дети переехали в более крупный город» (% от опрошенных)

	2020	2009
Совершенно не согласен	5,3	7,1
Скорее нет, чем да	17,9	13,8
Скорее да, чем нет	35,2	34,4
Полностью согласен	35,6	26,6
Затрудняюсь ответить	6,1	18,1

ТАБЛИЦА 6. Распределение ответов респондентов на вопрос о согласии с утверждением «Я не против того, чтобы мои дети уехали жить в сельскую местность» (% от опрошенных)

	2020	2009
Совершенно не согласен	27,0	40,4
Скорее нет, чем да	26,9	18,9
Скорее да, чем нет	18,9	9,8
Полностью согласен	9,5	6,1
Затрудняюсь ответить	17,8	24,8

Вместе с этим возросла доля респондентов, которые были бы не против, если бы их дети переехали жить в более крупный город – 70,8 % в 2020 г. против 61 % в 2009 г. При оценке своего отношения ко второму суждению наметилась тенденция к формированию более однозначной позиции. Так, доля респондентов, которые затрудняются

с ответом на этот вопрос, сократилась с 18,1 % в 2009 году до 6,1 % в 2020. Достаточно интересным является тот факт, что за прошедшие 10 лет среди ижевчан сформировалось более «терпимое» отношение к переезду их детей в сельскую местность (рост одобрения составил около 10 %), на фоне значительного сокращения лиц, которые не могли вынести суждение по этому поводу.

Рассматривая более детально социально-демографические характеристики респондентов, которые определенным образом отвечали на эти вопросы, необходимо отметить, что мужчины в большей степени, чем женщины, склонны одобрять переезд детей в крупный город, более негативно относятся к тому, чтобы их дети оставались в Ижевске или переезжали жить в сельскую местность. Существует четкая корреляция оценок по первым двум суждениям с возрастом респондентов: с увеличением возраста респондента возрастает и вероятность встретить позитивную оценку того, что его дети останутся в Ижевске (кор. Спирмена = 0,26, ст. значимость = 0,0001). При этом формируется обратная, но более слабая зависимость при оценке переезда детей в более крупный город – с увеличением возраста респондента увеличивается доля негативных оценок (кор. Спирмена = - 0,202, ст. значимость = 0,0001). С точки зрения анализа ответов респондентов в зависимости от уровня их потребления обнаруживаются следующие неярко выраженные особенности: респонденты с низким уровнем потребления (хватает денег на еду и одежду) чаще хотят, чтобы их дети оставались в Ижевске или переезжали в сельскую местность; в то время как респонденты с высоким уровнем потребления (достаточно обеспечены материально) более негативно воспринимают перспективы продолжения жизни детей в Ижевске и их переезд в сельскую местность.

Оценка отношения к переезду детей относительно четко меняется и в зависимости от продолжительности проживания респондента в городе Ижевске: если человек мигрировал в Ижевск, то чем меньше он живет в Ижевске, тем выше вероятность его одобрительного отношения к переезду детей в более крупный город, наиболее благожелательны к переезду детей в сельскую местность люди, которые проживают в Ижевске 5-10 лет. Наиболее благосклонны к переезду детей в другой большой город респонденты с высшим образованием или ученой степенью (в т. ч. магистра наук), наиболее склонны позитивно оценивать проживание детей в Ижевске респонденты с низким уровнем образования, наибольшая готовность относительно переезда детей в сель-

скую местность наблюдается среди респондентов с ученой степенью или средним профессиональным образованием. Последняя значимая особенность заключается в том, что сам факт наличия детей в семье существенно не влияет на вынесение суждений о переезде детей.

Как и в исследовании 2009 года, вопросы об отношении ижевчан к переезду детей дополнялись вопросом о городских изменениях, которые бы способствовали тому, чтобы люди в большей степени были ориентированы на закрепление детей в Ижевске (Рупасов, 2009:69). Основное требование, как и в 2009 году, связано с наличием достойно оплачиваемой работы (см. таб. 7).

ТАБЛИЦА 7. Ответ респондентов на вопрос «Какие условия развития города должны выполняться в первую очередь, чтобы Вы рекомендовали своим детям остаться жить в Ижевске?» (% по столбцу, от ответивших на вопрос; респондент мог выбрать до 3 ответов одновременно)

	2020	2009
Достойно оплачиваемая работа	81,2	84,1
Доступное жилье	46,1	64,6
Качественное здравоохранение	41,1	30,1
Благоприятная экологическая ситуация	24,9	42,6
Качественное дошкольное и школьное образование	22,1	17,4
Качественное высшее образование	20,9	15,5
Широкие возможности для отдыха/развлечений/культурной жизни	19,5	10,0
Низкий уровень преступности	12,2	16,5
Удобный и комфортный транспорт	8,3	6,5
Доступность широкого ассортимента товаров	3,9	4,2

Дальнейшие позиции рейтинга претерпели значительные изменения за десять лет. Актуальность возможности приобретения доступного жилья, несмотря на сохранение позиции рейтинга, снизилась для существенной доли опрошенных респондентов (более чем на 20 %), кроме того, продемонстрировало снижение актуальности требование к благоприятной экологической ситуации (падение на 17,7 %). Одновременно с этим увеличилось число респондентов, кото-

рые считают необходимым наличие качественного здравоохранения, качественного школьного и дошкольного образования, качественного высшего образования¹ и расширения возможностей для отдыха, развлечений и культурной жизни.

В целом среди ижевчан сложился консенсус относительно представленных направлений развития города для будущих поколений. Существуют лишь незначительные расхождения при сопоставлении ответов разных групп населения. Так, женщины чаще выступают за развитие системы здравоохранения и улучшение экологической обстановки в городе, для мужчин более значимы возможности организации отдыха, развлечения, а также низкий уровень преступности. Востребованность качественного здравоохранения растёт с возрастом респондента, озабоченность экологической обстановкой характерна для молодых групп, как и востребованность возможностей организации отдыха, развлечения и культурной жизни в городе. Значимость проблемы доступного жилья возрастает с падением уровня доходов респондентов. Качественное дошкольное, школьное и высшее образование в большей степени заботит людей с детьми. Люди, которые прожили всю свою жизнь в Ижевске, в большей степени озабочены качественным здравоохранением, благоприятной экологической ситуацией, качественным дошкольным и школьным образованием.

Таким образом, за одиннадцать лет получила более чёткое оформление тенденция к ориентации большей доли жителей Ижевска на миграционную установку для своих детей (которая находит свое воплощение в миграционных тенденциях, наблюдаемых в Удмуртии (Обухов, Колесников, 2019: 137)). Наиболее чётко подобная миграционная установка выражена у мужчин, респондентов с высоким уровнем образования, средним и выше среднего материальным достатком. Одновременно с этим наметилось более терпимое отношение горожан к переезду на село. Направления развития города Ижевска для будущих поколений претерпели изменения, несмотря на то, что основным требованием остается «достойно оплачиваемая работа». Формируется более ярко выраженная потребность в развитии в городе качественного сектора услуг, связанного с обеспечением развития человеческого капитала.

1. Необходимо отметить, что в исследовании 2009 года используется формулировка «профессионального образования», что является более широким понятием в контексте вопроса.

Одной из задач настоящего исследования было изучение востребованных пространств, форм и организаций из сферы культурного досуга и развлечения, в том числе ориентированных на сохранение и развитие истории города. Необходимо отметить общую установку горожан на интенсивное перемещение и фланирование в городе (последние практики в настоящее время являются достаточно устойчивыми (Поварницына, 2017: 433)). Индикативным вопросом в данном случае будет выступать вопрос о местах совершения прогулок.

Наиболее популярными местами для прогулок в настоящее время являются парки и скверы города (на 10 % респондентов больше выбрали этот ответ по сравнению с данными 2009 года (Рупасов, 2009: 34)), за ними идут улицы, непосредственно прилегающие к дому (на 25 % респондентов меньше выбрали этот ответ в сравнении с данными 2009 года), центральные улицы города (на 3 % меньше в сравнении с 2009 годом), набережная пруда (на 4 % больше). Таким образом, реконструкция целого ряда объектов, расположенных по всему городу и ориентированных на прогулки горожан, нашла свое отражение в изменении практик осуществления прогулок по городу. В целом картина, полученная в 2020 году при сравнении доминирующих мест прогулок по районам, сопоставима с данными 2009 года. Незначительные изменения в сторону большего разнообразия мест для прогулок наблюдаются у жителей Устиновского района.

В целом существуют достаточно четко выделяемые социально-демографические особенности в предпочтении мест для прогулок горожанами. Центральные улицы города, торговые центры, парки, скверы для прогулок чаще использует молодежь и люди среднего возраста. Люди среднего возраста чаще используют парки и скверы, набережную пруда. Люди старшего возраста чаще сообщают о том, что они не гуляют (до $\frac{1}{4}$ в возрастной группе 60-70 лет) или называют в качестве места для прогулок улицы, прилегающие к дому и дворы. Люди с детьми для прогулок чаще предпочитают парки и скверы, набережную пруда и дворы. Для мужчин более привлекательны для прогулок центральные улицы, в то время как для женщин парки и скверы. Люди с высоким уровнем потребления чаще гуляют на центральных улицах, в парках и скверах, торговых центрах; в то время как люди с низким доходом чаще прогуливаются во дворах, на улицах, непосредственно прилегающих к дому, набережной пруда или сообщают, что они не гуляют.

ТАБЛИЦА 8. Распределение ответов на вопрос «Где в Ижевске Вы чаще всего гуляете?» в зависимости от района проживания респондента (% по столбцу, от ответивших на вопрос)

	Октябрьский	Первомайский	Устиновский	Ленинский	Индустриальный	Живу в пригороде	Среди всех опрошенных
Центральные улицы	24,0	20,0	11,8	19,9	13,9	17,4	18,1
Улицы, непосредственно прилегающие к дому	13,8	21,5	31,3	17,3	16,8	4,3	19,7
Дворы	2,3	5,5	7,2	3,1	3,5	0,0	4,2
Парки, скверы	27,6	26,0	24,6	26,7	30,1	39,1	27,2
Набережная пруда	18,4	14,5	6,7	18,3	12,7	17,4	14,3
Торговые центры	3,2	4,5	5,6	3,7	4,0	4,3	4,2
Я не гуляю	10,6	8,0	12,8	11,0	19,1	17,4	12,2

Мнение обычных горожан во многом перекликается с установками экспертов, представленными в интервью. Профессиональный статус экспертов задавал специфическое видение городских проблем. Для проведения исследования имела значение двойная позиция его участников – в качестве экспертов и горожан, вовлеченных в повседневную жизнь Ижевска. Общественная активность информантов была связана как с личной заинтересованностью в качественном улучшении городского пространства, так и с профессиональной деятельностью в рамках разных институций.

Эксперты также включены в практики перемещения в городе. В интервью фиксируются три категории предпочтений в отношении городской территории. Первой, и самой многочисленной, части участников исследования нравятся городские локации. Те, кто высказывал расположение к городским прогулкам, упоминали прежде всего известные места в историческом центре: улица Горького, улица Пушкинская, Арсенал, Свято-Михайловский собор, Центральная площадь,

район Вечного огня. У некоторых участников исследования были предпочтения, связанные либо с детскими или юношескими воспоминаниями: городок Metallургов (Инт. 5), сквер в районе бывшего кинотеатра «Октябрь» (Инт. 29), сквер у бывшего кинотеатра «Дружба» (Инт. 17), сквер с памятником собачке Звёздочке (Инт. 15); либо нынешним местом жительства: сквер Гоголя (Инт. 4), «Кульбаза» (Инт. 3), Крымская аллея (Инт. 18), улица Холмогорова (Инт. 21).

Вторая часть информантов отдавала предпочтение пригородным парковым территориям, лесной зоне парка Кирова (Инт. 9, 23), включая пригородные пляжи и посёлок Воложка (Инт. 30). Особым смыслом участники исследования наделяли Ижевский пруд. О своем расположении к прогулкам у пруда говорили как любители городских пространств, так и те, кто предпочитал пригороды. Некоторые места прогулок, городские (набережная) и пригородные (парк Кирова), информанты считали предпочтительными из-за близости к пруду.

Третья установка, характерная для наиболее молодых информантов, связана с желанием «прокладывать неизведанные тропы» (Инт. 11). Тогда прогулки либо совсем не планируются: «мы просто шляемся» (Инт. 13), либо маршрут прокладывается по тем местам города, где информант никогда не был. Заметим, что некоторые молодые информанты говорят не о пеших прогулках, а о веломаршрутах, которые могут проходить по спальным районам и промышленным зонам.

В интервью были представлены примеры специфического опыта, который формировал особенности восприятия городского пространства. Одно из суждений воспроизводилось в интервью тех, кто часто путешествовали и/или некоторое время жили за границей. Они могли сравнить результаты широкомасштабных программ благоустройства европейских городов и первые шаги в этом направлении в регионах России. Эти информанты полагали, что в Ижевске совсем нет мест для прогулок.

Другой специфический опыт был связан с экскурсионной деятельностью. В этом случае информанты описывали не индивидуальные прогулки, а типичный экскурсионный маршрут, включавший, как правило, основные достопримечательности центральной части города. Причем некоторые информанты имели экскурсоводческий опыт в прошлом, работая в музеях и экскурсионных бюро. Они в большей степени опирались на представления о «классическом маршруте». В исследовании представлены также профессиональные экскурсоводы,

предлагающие различные маршруты в настоящее время. В ряде случаев речь идет об узких специалистах, обычно архитекторах. Их экскурсии были эксклюзивными, проводились для специализированной аудитории (коллег, студентов) и имели заданную фокусировку. Тем не менее набор самых посещаемых мест оставался устойчивым.

В рамках интервью участники исследования описывали сильные и слабые стороны инфраструктуры Ижевска. Говоря о позитивных характеристиках города, информанты выделяли две категории качеств: инфраструктурные и «ресурсные». К первым были отнесены градостроительные особенности городского пространства (Инт. 2, 20, 21, 23), эффективная транспортная система (Инт. 5, 10, 13, 20, 23), наличие «зеленых зон» в городе, социальная инфраструктура.

Информанты делали акцент на комфортности и удобстве общественного транспорта:

Логистика прекрасна. Ну, в народе это принято называть – ижевским трамваем. (...) Действительно, город проектировался именно так, чтобы людям было удобно добираться до завода (Инт. 5).

Компактность расположения городских районов особенно явно осознается теми, кто имел опыт жизни в крупных городах, и теми, кто живет за городом или часто бывает на даче. Важным элементом нарратива для последних была возможность быстро выбраться «на природу» (Инт. 5, 28, 29). Ценность экологического благополучия выражалась в актуализации природных объектов, особенно пруда (Инт. 15), парков (Инт. 6) и приречных зон в рамках движения «Вернем реки городу» (Инт. 7, 24). Наконец, к городской инфраструктуре информанты относили различные социальные институты: образование и медицинское обслуживание (Инт. 5), сеть ресторанов и кафе (Инт. 24), возможности для занятий спортом (Инт. 15).

К «ресурсным» характеристикам Ижевска участники исследования причисляли ресурсы человеческого капитала (Инт. 5, 11, 19). Как правило, в этом случае нарратив включал ссылку на дореволюционную и советскую инженерную традицию, которая в настоящее время трансформируется в креативные индустрии (Инт. 19), развитие информационных технологий (Инт. 5, 24), художественное творчество (Инт. 7, 26). Информанты, чья профессиональная деятельность связана со сферой культуры, отмечали развитие традиционного ремесла в рамках реализации туристического потенциала региона

(Инт. 15). На туризм также ориентировались информанты, подчеркивавшие возможность появления музейного квартала (Инт. 1), который мог бы расширить пространство для прогулок (Инт. 30). В этом случае озвучивалась идея создания атмосферы «душевности», которая оказывается созвучна установкам на развитие индустрии гостеприимства (Инт. 22).

В то же время в риторике интервью некоторые инфраструктурные характеристики маркировались как удачные и как проблемные одновременно. В частности, позитивным оценкам транспорта противопоставляется критика в отношении удобства передвижения на автомобиле (Инт. 5, 6, 23):

Это город в первую очередь для горожан, для пешеходов, а не для автомобилистов, и создать условия для этого. Ну понятно, это как все города, которые через это проходили, что закрыть центр, сделать платные парковки, выделенное движение для городского транспорта на всех улицах, не только на трех главных, да что сделать пересадочные какие-то вещи (Инт. 23).

Однако в отношении удобства пешеходов также высказывалось сомнение из-за плохо очищенных дорог (Инт. 7), обработки реагентами улиц зимой (Инт. 30), отсутствия мест для пеших прогулок (Инт. 21). Информанты особо отмечали сложности с расположением и работой аэропорта и оторванность от железнодорожных узлов (Инт. 27). Противоречивые мнения также высказывались по поводу сети велодорожек, которая, несмотря на рекламу в СМИ, так и не получила окончательного оформления.

Целый список проблем ассоциировался у информантов с управленческими стратегиями. Участники исследования указывали на эффект «формальной зарегулированности» (Инт. 13, 19), препятствующий оперативному решению городских вопросов. Многие градостроительные проблемы, а также сложности охраны культурно-исторического наследия, связаны со сбоями межведомственных согласований (Инт. 2). Часть принятых решений не выполнялась, а выполнение не контролировалось. Например, не применяются разработанные и согласованные принципы дизайн-кода оформления элементов фасадов:

На уровне разработки проекта как бы все понимают одно, а когда уже начинается уже реализация, там снова поднима-

ются те же вопросы, и задают новые вопросы. И даже сами предприниматели не понимают, что и как. Если они были вовлечены, почему не понимают, что это работает именно так (Инт. 14).

Органы власти не имеют инструментов, чтобы требовать использования элементов дизайн-кода от предпринимателей. Это провоцирует разрыв между принимаемыми на бумаге решениями и воплощением этих решений в практической деятельности. Предприниматель не может быть привлечен к ответственности за невыполнение. Неопределенность ситуации городских изменений усугубляется из-за непрозрачности многих процессов. Так, успех городских инициатив зависит от хороших отношений заинтересованных лиц с представителями власти, а не от желания жителей или мнения городских активистов (Инт. 8).

Целый комплекс проблем, как полагали информанты, становится наиболее очевиден, когда появляется сторонний взгляд на инфраструктуру города. Те, кто был тесно связан с приемом туристов, дополняли список городских проблем замечаниями, касавшимися непригодности улиц и парковок для передвижения туристических автобусов (Инт. 12), недостаточного количества гидов, отсутствия буклетов и рекламной продукции (Инт. 10, 16), инструментов навигации по городу (Инт. 7).

Ижевск можно считать типичным городом, который особенно динамично развивался в послевоенные десятилетия. Сильные стороны городской инфраструктуры связаны с факторами промышленного развития: компактное расположение районов; система общественного транспорта, позволяющая относительно быстро преодолеть путь от спальных районов до места работы. Инфраструктурные аспекты креативной экономики только начинают оказывать влияние на образ жизни в Ижевске. Тестовым механизмом приспособления города к креативному символическому потреблению является культурно-досуговая среда.

Культурно-досуговая среда и развитие города

В современных городских исследованиях детализируется понимание роли культуры в социально-экономическом развитии городов. Как уже обсуждалось выше, в деятельности многих объектов досуговой инфраструктуры трудно разделить символические и коммерческие аспекты. Представления о символической экономике точнее всего позволяют понять городское пространство. Парк, театр, ресторан с этнической кухней имеют ценность как места проведения досуга, но их существование имеет свою цену как с точки зрения бюджетного финансирования, так и частного инвестирования.

Уже стало общим местом утверждение о дефиците досуговых практик вне крупных городов и в сельской местности. Социологические опросы показывают низкую степень удовлетворенности работой учреждений культуры в селах и малых городах в разных регионах России (Намруева, 2017: 33; Оленина, Фролова, 2018: 26-27). Типичный культурный парадокс фиксируется в уральских малых городах, где молодые жители описывают большое количество досуговых занятий (участие в любительском ансамбле, участие в проектах молодежного клуба), замечая при этом, что «в городе некуда пойти» (Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016: 11). Напротив, представление о крупном городе, куда стремится молодежь, включает пункт об активной культурной жизни.

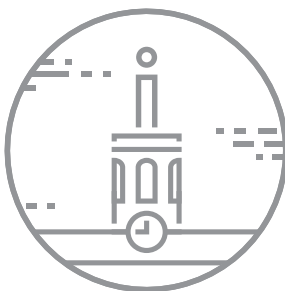
Д. Хезмондалш ссылается на опыт городов в Новом Южном Уэльсе, поблизости от Сиднея в Австралии, где меры против закрытия мест развлечения стали причиной того, что молодые амбициозные сотрудники отказались от переезда в крупный город. Разнообразная, насыщенная и плодотворная культурная жизнь является притягательным фактором для «креативных» работников (Хезмондалш, 2014: 196). Сложность заключается в том, что фактор активной культурной жизни не работает в городах, где значительную долю составляли представители рабочего класса. Это различие приводит к формулировке важного вопроса о структуре рынка труда, влияющего на экономический эффект культурных индустрий. Креативная экономика ориентирована на проектные формы работы как учреждений культуры, так и бизнеса, что предполагает комплекс действий, ограниченных во времени, и комбинирование инвестиций из разных источников (бюджетных, грантовых, спонсорских средств).

Если Д. Хезмондалш только ставит вопрос о рисках непостоянной занятости в рамках «экономики проектов», то Ш. Зукин, обобщая результаты реализации крупных проектов по развитию пространств в городах США, показывает, что стремление развивать креативный сектор тем выше, чем меньше развитие города зависит от традиционных ресурсов и технологий (Зукин, 2015: 371). Однако эта закономерность – нелинейная и неоднозначная. С социально-экономическими дилеммами сталкиваются моногорода в России или поселения со схожей монопроизводственной структурой в западных странах. Крупные города, сочетающие широкий спектр экономических возможностей, от традиционных отраслей промышленности до разнообразных символических и/или высокотехнологических производств, формируют представление о важности «различий», которые принимают и даже форсируют чиновники и представители академии. В настоящее время среди по-европейски унифицированного образа жизни есть спрос на различия, пусть даже преувеличенные и воображаемые (Зукин, 2015: 372). Город получает преимущества, так как культурная продукция трансформируется в элемент конкуренции за инвестиции и рабочие места.

В провинциальных российских городах слабый уровень развития социально-экономической инфраструктуры отражается на состоянии учреждений сферы культуры. Оценивая работу учреждений культуры, участники социологических исследований основываются на своих впечатлениях о спектаклях, выставках, мероприятиях. Но сотруд-

ники учреждений культуры часто испытывают проблемы, связанные с недофинансированием отрасли и, как следствие, низким уровнем оплаты труда. Неолиберальный характер культурной политики в регионах формулирует задачу самостоятельного привлечения средств в учреждения культуры. Но при этом действия органов государственной власти и частного сектора не согласованы, что создает дефицит средств, направляемых на развитие культуры (Карпова, 2009: 13). В результате формы работы в учреждениях культуры и формат мероприятий во многом ориентируются на советские образцы. В то же время вне столичных городов у посетителей культурных мероприятий формируется запрос на следование тому, что они понимают как «европейский формат праздника», включая визуальное оформление, содержательные компоненты, практики вовлеченности (Папушина, 2015: 68-69).

Возможности для проведения досуга часто расцениваются как показатель благополучия в социально-экономическом развитии города. На практике взаимосвязь ресурсной базы и уровня развития креативных индустрий неоднозначна.

Оценка культурно-досуговой среды ижевчанами

Формирование общей ориентации на сервисные услуги со стороны жителей г. Ижевска находит свое отражение в конкретных практиках использования городского пространства.

В ходе опроса уточнялось, какие типы заведений и организаций горожане посещают редко, но хотели бы посещать намного чаще (см. таб. 9). Позиции общего рейтинга в сравнении с данными 2009 года претерпели существенные изменения (Рупасов, 2009: 42). Так, на первое место в потребности горожан вышли театры (в 2009 году потребность в посещении театров испытывали 36 % респондентов, третья позиция в рейтинге), второе место за концертными залами и дворцами культуры – их хотели бы посещать чаще 37 % горожан (в 2009 году – 40 %), третье и четвертое место занимают музеи и художественные выставки, галереи (по 33 % опрошенных респондентов отметили эти учреждения, в 2009 году таких было 32,4 % и 31 % соответственно). Необходимо отметить, что у одного из «лидеров» 2009 года – кинотеатров – значительно сократилось количество респондентов, ощущающих потребность в их посещении (с 38 % респондентов до 19,9 %).

Общая гипотетическая востребованность учреждений культуры в г. Ижевске может находить разные варианты реализации самого намерения использования этих учреждений. Учитывая наличие достаточно ши-

рокого круга учреждений культуры в городе, была предложена жесткая методика определения необходимости тех или иных учреждений в пространстве города. Сама методика оценки была сформирована в исследовании 2009 года и включала в себя вопросы, которые были связаны с различными вариантами снятия с бюджетного финансирования учреждений культуры (Рупасов, 2009: 54-56). В исследовании 2020 года один из вопросов был модифицирован – он предполагал определение готовности горожан поддерживать учреждения за счет их личных ежемесячных пожертвований. Необходимо отметить, что общий список учреждений в 2020 году относительно исследования 2009 года был значительно расширен, что привело и к возрастанию вариативности ответов респондентов, при этом большинство учреждений получили дополнительную «поддержку» со стороны ижевчан (см. таб. 10). Такая позитивная динамика может быть связана как с увеличением интереса горожан к культурной индустрии, так и с желанием «поддержать» как можно больше учреждений¹. Одно из основных негативных изменений 2020 года заключается в падении «поддержки» населения Государственного цирка Удмуртии.

Кроме вопроса об учреждениях культуры Ижевска, в исследовании предполагался большой блок вопросов, который был направлен на выявление востребованности определенных событий горожанами. Всего проверялось 15 различных событий и мероприятий, в отличие от исследования 2009 года в 2020 году не были включены традиционные городские мероприятия («Новый год и Рождественские гуляния», «День Победы», «День города», «День молодежи» и т. д.), при составлении списка сохранялась общая ориентация на календарь событий Удмуртии². Блок оценки событий включал в себя 4 вопроса:

- Пожалуйста, отметьте, о каких проектах и мероприятиях Вы слышали?
- Пожалуйста, отметьте, какие проекты и мероприятия Вы посещали?
- Пожалуйста, отметьте, какие проекты и мероприятия Вам были бы интересны?
- На какие проекты/мероприятия Вы бы хотели купить билет?

1. Необходимо отметить, что, как и в 2009 году, проективный вопрос был неоднозначно встречен респондентами; большинство «подозревали», что гипотетическая ситуация связана с реальным снятием финансирования с определенных объектов.

2. События. // URL: <https://visitudmurtia.ru/> (дата обращения 16.08.2020)

ТАБЛИЦА 9. Распределение ответов на вопрос «Отметьте, пожалуйста, заведения и организации, в которых Вы редко бываете или не бываете совсем, но хотели бы посещать чаще» в зависимости от района проживания респондента (% по столбцу, от ответивших на вопрос; один респондент мог указать несколько заведений)

	Октябрьский	Первомайский	Устиновский	Ленинский	Индустриальный	Живу в пригороде	Среди всех опрошенных
Библиотеки	22,7	31,5	24,1	6,8	23,1	43,5	22,2
Кафе, бары, рестораны, боулинги	15,7	20,3	27,2	17,3	17,9	30,4	19,9
Кинотеатры	15,3	23,9	30,3	14,7	14,5	26,1	19,9
Концертные залы, дворцы культуры	36,1	42,1	43,6	28,3	34,7	47,8	37,3
Музеи	34,3	44,2	33,8	19,9	36,4	39,1	33,9
Ночные клубы, музыкальные клубы, дискотеки	8,3	9,6	7,2	6,8	11,6	13,0	8,7
Фестивали, праздники, народные гуляния	25,9	30,5	31,3	17,8	20,2	30,4	25,4
Стадионы, дворцы спорта, спорт. мероприятия	21,3	29,4	30,8	18,8	20,8	21,7	24,2
Театры	43,5	45,7	41,0	38,7	37,0	65,2	41,9
Художественные выставки, галереи	33,8	33,5	35,9	24,6	39,3	34,8	33,4
Худ. кружки, клубы по интересам	19,4	14,2	13,3	16,8	15,6	30,4	16,3
Церкви, религиозные учреждения	12,5	13,2	10,8	7,3	13,9	8,7	11,5
Таких заведений нет	14,4	8,1	10,3	9,4	14,5	0,0	11,1

ТАБЛИЦА 10. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие учреждения не должны быть сняты с бюджетного финансирования ни при каких обстоятельствах?» (% по столбцу, от ответивших на вопрос; один респондент мог указать несколько заведений)

	2020 г.	2009 г.
Государственный зоологический парк Удмуртии	42,3	44,9
Государственный театр оперы и балета Удмуртской Республики им. П. И. Чайковского	38,0	27,9
Государственный национальный театр Удмуртской Республики	37,6	21,3
Музейно-выставочный комплекс стрелкового оружия имени М. Т. Калашникова	31,5	20,5
Государственный русский драматический театр Удмуртии (им. В. Короленко)	30,0	15,9
Музей-усадьба П. И. Чайковского	29,4	н/д
Национальный музей Удмуртской Республики имени Кузема Герда (Арсенал)	25,9	19,9
Государственный цирк Удмуртии	24,9	35,8
Музей-заповедник «Лудорвай»	24,7	н/д
Ледовый дворец «Ижсталь»	23,6	23,8
Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств	21,7	9,7
Дом Дружбы народов	18,6	11,2
Государственный театр кукол Удмуртской Республики	18,2	16,3
Музей Ижевска	17,5	н/д
Затрудняюсь ответить	14,0	н/д
Музей-заповедник «Иднакар»	13,8	н/д
ВЦ «Галерея»	12,2	н/д

В таблице 11 представлена общая сводка ответов на эти вопросы. Осведомленность об этих мероприятиях находится на достаточно высоком уровне, по крайней мере 1/5 опрошенных респондентов слышала хотя бы об одном из представленных мероприятий. Наибо-

более узнаваемыми являются традиционные события для городского пространства, которые связаны с массовыми гуляниями, эти же мероприятия посещало большое количество человек. Необходимо отметить, что наибольший сальдированный разрыв между интересом и узнаванием наблюдается у следующих мероприятий: Лыжный марафон им. Г. А. Кулаковой, Удмуртский национальный праздник «Гербер», Ижевская винтовка, Калашников Биатлон Фест, фестиваль «Всемирный день пельменя», День оружейника, Рыжий фестиваль. Соответственно, вероятность исчерпания потенциала увеличения аудитории по ним достаточно велика (при условии сохранения прежнего формата). При этом нереализованный потенциал привлечения (в том числе и коммерческого) можно наблюдать по следующим событиям/мероприятиям: Международный фестиваль циркового искусства, Международный фестиваль искусств «На Родине П. И. Чайковского», OpenAir «Эктоника», Международный фестиваль финно-угорской кухни «Быг-быг».

ТАБЛИЦА 11. *Отношение горожан к основным мероприятиям событийного календаря Удмуртии (% по столбцу, от ответивших на вопрос; один респондент мог указать несколько мероприятий)*

	слышали	посещали	интересны	купил бы билет
Калашников Биатлон Фест	51,9	10,0	21,5	13,2
Лыжный марафон им. Г. А. Кулаковой	41,8	6,4	17,4	8,6
Калашников Спорт. Биатлон.	28,5	5,3	14,8	8,1
Международный фестиваль циркового искусства	47,4	16,5	35,2	31,2
Международный фестиваль искусств «На Родине П. И. Чайковского»	45,4	14,0	33,6	25,2
Удмуртский национальный праздник «Гербер»	53,7	17,5	25,6	14,2

	слышали	посещали	интересны	купил бы билет
Международный фестиваль финно-угорской кухни «Быг-быг»	26,3	6,4	27,7	15,5
Межрегиональный фестиваль «Сказочные герои на родине Тол Бабая»	31,4	7,8	23,2	12,2
Фестиваль «Всемирный день пельменя»	64,5	34,6	32,3	15,1
Книжный фестиваль «Читай, Ижевск!»	49,7	28,1	37,0	14,7
Рыжий фестиваль	69,3	33,3	21,5	6,6
Ижевская винтовка	48,2	8,8	18,6	12,2
День оружейника	56,3	27,5	23,4	11,0
Фестиваль «Табань фест»	23,4	3,9	21,5	11,3
OpenAir «Эктоника»	33,0	6,9	25,3	18,4
Не слышал/не интересно/не посещал/не купил	7,6	18,4	8,7	18,1

В дополнение к вопросу о покупке билета использовался вопрос о максимальной цене, которую готов заплатить респондент за посещение наиболее понравившегося ему мероприятия. К сожалению, инструментарий не предполагал однозначного отслеживания цены билета на конкретное мероприятие, оценка возможной цены билета на каждое мероприятие косвенная¹. В целом респонденты склонны

1. Каждый человек мог выбрать несколько мероприятий, на которые он бы купил билет, но потом указать максимально для себя возможную цену за билет на наиболее понравившееся мероприятие. К сожалению, какое конкретно мероприятие ему больше всего понравилось, не устанавливается в рамках существующего инструментария. При этом цена билета при проведении статистического анализа берется для всех мероприятий, указанных респондентом, она одна. Соответственно, для целого ряда мероприятий цена билета завышена.

тратить в среднем на один билет (при условии, что мероприятие им наиболее интересно) 648 руб., при этом медианное значение и мода равны 500 рублей. 25 % ответивших на вопрос респондентов готовы потратить на билет 300 руб. и менее, еще 25 % готовы потратить 1000 руб. и более.

Таким образом, существующий событийный календарь Удмуртии относительно узнаваем в Ижевске. Сформировался целый пласт мероприятий, которые имеют традиционное ядро участников и вызывают стабильный интерес горожан, однако потенциал роста числа заинтересованных в этих мероприятиях людей исчерпан без изменения формата мероприятий. Вместе с тем обозначена достаточно осязаемая группа событий, которая вызывает большой интерес со стороны ижевчан, в том числе, обладает относительно неплохим коммерческим потенциалом.

Что могут сделать сами горожане?

Социологические исследования развития современных городов фокусируются на роли жителей в процессах принятия решений. Ряд практик связан с индивидуальным выбором. Тогда с точки зрения социологии обычно анализируется потребительский выбор. Когда города меняются, строятся новые кварталы и здания, то на место утраченной идентичности приходят новые нарративы, часто коммерциализированные. С одной стороны, новые районы не имеют устоявшейся идентичности или утрачивают ее при реконструкции. Бывает, что прежние жители переселяются с мест, которые они когда-то считали своими. С другой стороны, в новые пространства приходят новые жильцы, или у прежних жильцов меняют установки по отношению к месту. Анализ процессов реконструкции общественных парков в Нью-Йорке позволил Ш. Зукин заметить, что, если в общественное пространство привлекается больше «нормальных пользователей», оно становится более безопасным. В таком пространстве как бы «само собой» становится меньше бродяг и криминальных элементов (Зукин, 2015: 52-53). Пространство зонировано благодаря организации лобби, атриумов, арт-выставки или точки общепита, и все зоны оказываются заняты практиками, свойственными публике среднего класса. Тогда даже на материале «непримечательной архитектуры» начинается

«возрождение» с помощью проведения экскурсий, организации гостиниц и ресторанов, так как создается «ландшафт потребления».

Другой важный для социологии фокус связан с исследованием низовых (grassroot) сообществ. Термин «низовая городская мобилизация» широко используется в европейских социальных исследованиях и становится востребован в российской науке. Термин обозначает коллективные действия в публичном пространстве, при условии, что на начальном этапе у общественного объединения не было организованного спонсора (Семенов, 2019: 30). Низовые сообщества могут становиться важным элементом культурной политики в некоторых странах или даже в отдельных городах.

Так, во французском городе Нанте была создана система сотрудничающего управления (Grigg, Howarth, Feandeiro, 2020). Нант – один из крупных городов Франции, который проявлял высокую степень устойчивости к экономическим кризисам благодаря отсутствию явной экономической специализации. С 1989 по 2012 годы мэром Нанта был Жан-Марк Эро, один из лидеров социалистической партии, позже он стал премьер-министром. При нем были заложены основы «работы с соседскими сообществами». В ходе реализации специфической городской политики формировалась идеология, с опорой на мифологию, использовавшая солидарность футбольных болельщиков команды Нанта. Идеология солидарности болельщиков была перенесена на консолидацию городских сообществ и оказалась полезной в воспроизводстве практик городского управления. Модель управления строилась на предоставлении дополнительных ресурсов частным девелоперам, но при обязательном условии работы в сотрудничестве с общественными объединениями. Появился концепт «коллективной игры», постепенно переходящий в идеологию «города для горожан», «коллективной динамики», «диалога с горожанами» (Grigg, Howarth, Feandeiro, 2020: 97-99). Важно, что хотя бы на уровне медийной риторики формировалось представление о том, что в специальном внимании нуждаются те, кто редко включается в общественную жизнь.

Движения низового активизма в городах Восточной Европы, в условиях меньшего объема ресурсов и более сложных отношений с органами власти, характеризуется зависимостью от финансовых доноров и влиянием негосударственных организаций (НГО). Большое количество НГО появилось в современной Польше в результате профессионализации прежде неорганизованной общественной деятельности. Д. Поланска, описывая формы гражданской активности в Вар-

шаве и Кракове, замечает разрыв между движениями, получающими спонсорскую помощь (НГО), и низовыми инициативами. Общественный активизм проявлялся даже в период социалистической Польши, но в 1990-е годы стали появляться НГО. Институционализация НГО запустила процесс маркетизации и коммерциализации их деятельности, которая все чаще начинает пониматься как искусственная (Polanska, 2020: 178). Напротив, участники низовых инициатив подчеркивали, что в общей работе важно учитывать горизонтальный характер связи между людьми при принятии решений. Таким образом, неформальные низовые движения рассматриваются как площадка, где любой может выразить свое мнение (Polanska, 2020: 184). Из-за проблем в сфере публичной политики репертуар низовых общественных движений в Восточной Европе даже шире, чем на Западе, так как горожане не подозревают их в получении выгоды от общественной деятельности.

При изучении современных постсоветских городов в Центральной и Восточной Европе фокус смещается на явления и ситуации, важные для горожан, но не входящие в сферу интересов формальных и неформальных организаций. Тогда одной из форм участия в развитии городских пространств могут быть добровольные пожертвования и благотворительность. Если в западных странах благотворительная помощь и спонсорство в пользу учреждений культуры является устойчивой практикой, то в Восточной Европе до 1990-х годов основной поток финансирования осуществлялся по бюджетным каналам или в форме помощи промышленных предприятий «подшефным» организациям. Некоторые из этих практик сохранились и сегодня. Сокращение объема бюджетных средств, выделяемых учреждениям культуры, дало импульс для обсуждения возможностей привлечения финансирования через механизмы добровольных пожертвований и краудфандинга. Функционирование классических эндаумент-фондов¹ в США предполагает финансирование деятельности некоммерческих организаций за счет пожертвований от компаний и частных лиц. Уникальным опытом применения практики эндаументов в постсоциалистических странах стал опыт процентной филантропии в Венгрии.

В 1996 году в Венгрии был принят закон, согласно которому физические лица могут перечислить 1 % из суммы, уплаченной в прошлом налоговом периоде, в пользу выбранной ими государственной

1. Определение понятия «эндаумент» приводится на странице 58.

или некоммерческой организации. Граждане могут заявить о намерении перечислить средства при подаче налоговой декларации (Яковлева, 2019: 141). Бенефициары этой программы должны публиковать информацию о расходах полученных средств, жертвователи получают особые благодарности от учреждения. О популярности программы процентной филантропии свидетельствует рост ее участников. Если в 1997 году эту возможность использовали 8 % налогоплательщиков, то в 2017 – уже 80 % (Яковлева, 2019: 142). В России тоже принимаются законы о благотворительной помощи: в 2006 году – Федеральный закон «О порядке формирования и использования целевого капитала», в 2014 – «Федеральный закон о меценатской деятельности». Эти законы создали основу для формирования фондов целевого капитала в бюджетных учреждениях, главным образом в университетах, театрах, музеях (Яковлева, 2019: 138). Тем не менее практика благотворительных пожертвований пока не нашла широкого распространения, особенно вне крупных городов.

Практика краудфандинга, напротив, не представляет собой исключительно столичное явление. В последние годы для сбора средств можно использовать онлайн-платформы, например, Planeta.ru и Boomstarter, которые позволяют объявить сбор средств на различные цели. Как показывают социологические исследования, люди довольно активно собирают средства на выпуск современной литературной и музыкальной продукции: за период с 2012 по 2017 гг. из успешных проектов, на которые удалось собрать средства, таких было 39 %. При этом проекты, связанные с сохранением культурного наследия, составили 14 % среди заявленных и 12 % среди успешных (Латышева, 2019: 13).

Таким образом, в крупных городах России, а затем в провинции, постсоветские изменения создали основания для трансформации пассивных жителей в горожан, готовых принять ответственность и проявить гражданскую позицию.

Активность жителей Ижевска: волонтерство и сбор средств

Вопрос об отношении жителей к городу оказался одним из самых противоречивых в экспертных интервью. Многие информанты считали, что отношение жителей к городу меняется к лучшему. Информанты, работающие в сфере культуры, видели позитивный характер изменений в устойчивом росте интереса к музейным выставкам и экспозициям (Инт. 16, 29). Стали популярными лекции по истории и пешие экскурсии по городу (Инт. 3, 12, 16). Формируется интерес к локальной истории, который выражается в сборе информации о старом Ижевске. В этом случае речь идет о группах в социальных сетях, где участники делятся личными и семейными историями, а также фотографиями старого Ижевска.

В итоге формируется своего рода «спрос на историю» со стороны горожан. В пользу этого утверждения говорит распространение увлечения составлением семейных генеалогий. Сами люди стали чаще обращаться в архив, разыскивая информацию о родственниках (Инт. 18). Постепенно формируется спрос на услуги по составлению генеалогий по частным заказам (Инт. 10, 12). В качестве обратного эффекта активизировалась практика, когда горожане сами приносят в архив документы, которые, как они полагают, могут иметь значение для истории (Инт. 18):

Нам приносят, и эти документы принимаются на хранение, либо в муниципальные архивы. Если этот человек проживал на территории муниципального образования, он внес какой-то вклад в развитие муниципального образования. А иногда бывает просто интересная какая-то фотография. Они включаются в состав архивного фонда либо муниципального образования, либо в государственные архивы... (Инт. 18).

Но эти практики имеют отношение к индивидуальным интересам. Еще одним фактором активизации жителей, важным для информантов, являлась растущая ответственность за состояние городских пространств. Информанты замечали, что горожане начали соблюдать чистоту, реже происходят случаи вандализма (Инт. 23). Даже когда объект благоустройства никто не охранял, он не подвергался разрушению (Инт. 24). В практики горожан вошли регулярные волонтерские акции по уборке мусора и экологические мероприятия:

Я просто ищу и нахожу людей, у которых [активная – Т. В.] позиция по отношению к городу, как к территории комфортного проживания, [им – Т. В.] не безразлично, и они стараются. И они понимают, что им в этом городе ещё [жить – Т. В.] на долгосрочную перспективу, у них там семья, дети. И хочется, чтобы дети в каких-то комфортных условиях развивались, и они готовы в это вкладывать свою энергию, свои ресурсы (Инт. 7).

Катализатором растущей активности горожан участники исследования называют социальные сети. Возможность оперативно обмениваться информацией, осуществлять мобилизацию тех, кто заинтересован в определенных инициативах, приводит к осознанию потенциала коллективных действий (Инт. 6, 14, 27). В отдельных случаях на основе онлайн-сообщества создается группа, способная повлиять на принимаемые решения. Последний случай, который вспоминали информанты из сферы охраны памятников истории, – это пикет в защиту здания бывшего драматического театра (Инт. 1, 15, 22, 28). Чаще всего горожане готовы проявлять инициативу в вопросах, которые требуют разовых действий, или решении тех проблем, которые связаны с их образом жизни.

Еще одним позитивным показателем, особенно для информантов, работающих с молодежью (школьниками и студентами), является формирование установки на жизненные стратегии, связанные с родным городом. Среди молодежи становится больше тех, кто сознатель-

но остается в Ижевске для получения высшего образования и дальнейшего построения карьеры (Инт. 8, 11). Так, студенты исторических специальностей чаще проявляют интерес к темам локальной истории. Современное поколение студентов активнее включается в обсуждение проблем этнографии, археологии, охраны памятников в ходе занятий и вне учебной деятельности (Инт. 28, 30). В то же время высказывалась и скептическая точка зрения теми экспертами, кто работает со старшеклассниками. Они настаивают на сохранении установки на отъезд из региона (Инт. 5, 13, 19). Складывается ситуация, когда молодежь, делающая ставку на переезд, в большей степени ориентирована на академические достижения, тогда как подростки, менее успешные в учебе, включаются в проектную деятельность, видя в этом альтернативную возможность для самореализации (Инт. 13).

Другие информанты придерживались мнения, согласно которому значительных изменений в активности жителей Ижевска не наблюдается. Эти участники исследования указывали на то, что инициативные горожане составляют устойчивый круг «общественников» (Инт. 15). В материалах интервью было выделено четыре объяснительные модели. Первая модель не имела явной профессиональной принадлежности, но звучала у тех, кто взаимодействует с «обывателями». Они указывали на низкую степень заинтересованности населения и объясняли это инертностью ижевчан: «не интересуются своей историей» (Инт. 12), отсутствием эмоциональной привязанности к городу (Инт. 26). Вторая объяснительная модель, характерная для тех, кто работал с горожанами в рамках проектов по развитию общественных пространств, апеллировала к социально-политической обстановке в городе, которая блокирует инициативу рядовых горожан. Информанты характеризовали позицию органов муниципального и регионального управления как «закрытую», недоступную для инициатив «снизу» (Инт. 19). К этой позиции примыкает третья объяснительная модель об ограниченных ресурсах населения:

Все равно экономическая ситуация, уровень доходов не настолько велик у населения, чтобы обустроить свой внутренний мир. На то, чтобы обустроить, надо тратить почти все свои ресурсы, свое время, свои имеющиеся деньги, и вовне там почти ничего не остается (Инт. 4).

В рамках четвертой объяснительной модели, свойственной предпринимателям, при истолковании фактов инертности жителей доминировала риторика ментальности дотационного региона, зависимого от государственного финансирования (Инт. 5).

Важным проявлением позиции горожан, фиксируемым в опросе, является готовность поддержать те или иные учреждения за счет непосредственного перечисления им финансовых средств каждый месяц. Вопрос был введен в опрос 2020 года. Гипотетическая финансовая поддержка является скорее индикатором «важности» учреждения для человека, чем прямым индикатором, свидетельствующим о намерении или возможности перечислять деньги¹. Около 53 % респондентов готовы осуществлять финансовую помощь и поддержку учреждениям на ежемесячной основе. Подробно ознакомиться с рейтингом личной финансовой поддержки можно в таблице 12. Интересным является тот факт, что ответы на вопрос о бюджетной поддержке и ответы на вопрос о личной материальной поддержке слабо связаны между собой. Соответственно респонденты не были склонны одновременно выделять одно и то же учреждение для бюджетной и собственной поддержки. Лишь по двум учреждениям (Государственный национальный театр Удмуртской Республики и Государственный зоологический парк Удмуртии) наблюдается безусловная бюджетная и частная финансовая поддержка, во всех остальных случаях ситуация неоднозначная.

В целом при ответе на вопрос о личной поддержке можно обозначить определенный набор социально-демографических особенностей для тех или иных учреждений, но он не является статистически значимым. Из ярко выраженных особенностей – чем выше материальный достаток респондента, тем большее количество организаций и учреждений он готов поддерживать. Респонденты с высшим образованием в большей степени готовы поддерживать театры и музеи. Женщины склонны в целом чаще выбирать большое количество учреждений, в то время как мужчины в два раза чаще затрудняются с ответом. Для женщин в большей степени значимы следующие учреждения: Зоопарк Удмуртии, Национальный театр УР, Музей-усадьба П. И. Чайковского. Для мужчин в большей степени значимы музей-заповедник «Лудорвай» и Ледовый дворец «Ижсталь». Жители старше 60 лет чаще затрудняют-

1. Вопрос об осуществлении пожертвований следовал сразу за вопросом о снятии с бюджетного финансирования. Подобный порядок вопросов мог вызвать как реакцию «гиперкомпенсации» поддержки, так и резкий отказ респондента от выражения намерения финансовой поддержки вследствие боязни дать лишний «повод» для снятия учреждения с бюджетного финансирования.

ся с ответом на вопрос о личной поддержке или выбирают Музей имени Калашникова, УРМИИ, Русский драматический театр. Для респондентов в возрасте от 40 до 60 лет более значимы Музей-усадьба П. И. Чайковского, Театр оперы и балета, Музей имени Калашникова. Молодежный рейтинг наиболее приближен к общему рейтингу по Ижевску.

ТАБЛИЦА 12. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие учреждения Вы готовы поддерживать лично, осуществляя ежемесячные пожертвования?» (% от ответивших на вопрос, n=690; один респондент мог указать несколько заведений)

Государственный зоологический парк Удмуртии	27,5
Затрудняюсь ответить/Не готов оказывать поддержку	23,5
Государственный национальный театр Удмуртской Республики	22,2
Музей-заповедник «Лудорвай»	14,5
Музей-усадьба П. И. Чайковского	13,5
Государственный театр оперы и балета Удмуртской Республики им. П. И. Чайковского	11,9
Музейно-выставочный комплекс стрелкового оружия имени М. Т. Калашникова	11,9
Музей Ижевска	11,2
Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств	11,0
Государственный русский драматический театр Удмуртии (им. В. Короленко)	10,9
Ледовый дворец «Ижсталь»	8,7
Государственный театр кукол Удмуртской Республики	8,0
Музей-заповедник «Иднакар»	8,0
Национальный музей Удмуртской Республики имени Кузеева Герда (Арсенал)	7,4
Государственный цирк Удмуртии	6,8
ВЦ «Галерея»	6,8
Дом Дружбы народов	5,2

Вопрос о материальной поддержке был дополнен открытым вопросом о том, какую конкретно сумму готов переводить респондент каждому из указанных учреждений ежемесячно. Этот вопрос не был обязательным, в итоге на него ответили 466 респондентов, что составляет 46,6 % от общего числа опрошенных. Респонденты представили значительный диапазон сумм поддержки значимых для них учреждений, с учетом нормализации ответов респондентов минимальное значение было получено на уровне 5 руб., максимальное – 5000 руб. Среднее значение одного пожертвования находится на уровне 294 руб., медианное значение – 100, самый популярный ответ среди респондентов – 100 руб., при этом лишь 25 % респондентов готовы оказывать поддержку на 400 рублей и более, а еще 25 % респондентов готовы оказывать поддержку на 100 руб. и менее.

Ситуация с размером пожертвований неоднородна относительно поддерживаемого учреждения и социально-демографического профиля. Показатели средних сумм для мужчин на 50 рублей выше, чем для женщин. В целом существует слабая корреляция между возрастом респондента и тем, какую сумму он готов направить на поддержку учреждения: чем старше респондент, тем большую сумму он готов пожертвовать (кор. Спирмена = 0,187, ст. значимость = 0,0001). Суммы поддержки со стороны респондентов для конкретных учреждений представлены в таблице 13.

ТАБЛИЦА 13. Показатели ежемесячного размера пожертвования для конкретных учреждений

	Количество ответов	Среднее	Медиана	Мода
Государственный национальный театр Удмуртской Республики	153	315,74	100,00	100,00
Ледовый дворец «Ижсталь»	60	252,20	100,00	100,00
Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств	76	371,89	100,00	100,00
Государственный театр оперы и балета Удмуртской Республики им. П. И. Чайковского	82	379,28	200,00	100,00
Дом Дружбы народов	36	389,39	200,00	100,00
Национальный музей Удмуртской Республики имени Кузеева Герда (Арсенал)	51	342,44	200,00	100,00
Государственный зоологический парк Удмуртии	190	312,56	100,00	100,00
Государственный русский драматический театр Удмуртии (им. В. Короленко)	75	389,80	200,00	100,00
Музейно-выставочный комплекс стрелкового оружия имени М. Т. Калашникова	82	325,79	200,00	100,00
Государственный цирк Удмуртии	47	395,00	100,00	100,00
Государственный театр кукол Удмуртской Республики	55	400,64	100,00	100,00
ВЦ «Галерея»	47	289,88	200,00	100,00
Музей Ижевска	77	304,58	200,00	100,00
Музей-усадьба П. И. Чайковского	93	303,35	200,00	100,00
Музей-заповедник «Лудорвай»	100	363,20	200,00	100,00
Музей-заповедник «Иднакар»	55	359,22	150,00	100,00

В целом можно сказать, что существует нереализованная возможность привлечения горожан к финансированию некоторых учреждений культуры и досуга. Однако в финансовом плане эта возможность не может давать значимый поток средств. Тем не менее информанты, которые участвовали в экспертном опросе, подчеркивали необходимость поддерживать даже эпизодические проявления активности горожан, потому что только немногие из них откликаются на инициативы со стороны учреждений культуры или общественных движений. В практике некоторых информантов были единичные случаи, когда объявлялся сбор средств. Но никогда не удавалось набрать нужную сумму. Так случилось с инициативой изготовления копии боевого знамени Ижевской дивизии (Инт. 19).

При этом в нескольких интервью обсуждалась успешная организация сбора пожертвований в пользу церквей. В регионе восстанавливаются и реставрируются храмы. В восстановлении церквей и храмов, как в городе, так и в селе, активнее проявляется меценатство и частная инициатива. Информанты объясняли этот феномен влиянием ценностей, разделяемых членами религиозной общины, чего нельзя достичь при попытке собрать средства на восстановление памятников истории. Помимо храмов одним из самых удачных примеров реставрации исторического здания в Ижевске информанты считали дом Коковихина (Свердлова, 9), который был обустроен для духовно-просветительского центра Удмуртской епархии. Если оценки информантов расходились в отношении реконструкции зданий, используемых в качестве магазинов, кафе или ресторанов, то реставрация дома Коковихина определялась как несомненная удача всеми, кто знал о ней (Инт. 1, 3, 28).

Переходя к обсуждению вопроса об общественных инициативах, информанты часто отмечали, что городские общественные объединения только начали активно проявлять себя в Ижевске. Основным признаком этого является неразличенность социальных учреждений и общественных объединений. Так, отвечая на вопрос о сотрудничестве с общественниками, информанты называли музеи, библиотеки, муниципальные учреждения (Арт-резиденция, Штаб городских проектов ЛИФТ). Частично такая ситуация объясняется тем, что некоторые общественные объединения используют социальные учреждения как своеобразную штаб-квартиру. Информанты часто отмечали решающую роль в организации просветительской работы музеев вообще и музея Ижевска в частности. Отметим, что о существующем сотруд-

ничестве или о намерении развивать сотрудничество сообщали также предприниматели. Одна из задач общественно ориентированных учреждений состоит в предоставлении площадки для обсуждения общественных инициатив и презентации деятельности общественных объединений. Так как большинство из них не имеют места для постоянных встреч, социальные учреждения предоставляют свои помещения для собраний или публичных мероприятий:

Мне кажется, что это люди, которые просто ищут место для того, чтобы где-то неформально собраться, мы всегда такое место предоставляем, как бы, надо – пожалуйста. Стулья поставите, несложно, приходите, поможем. (...) На самом деле, очень рады, потому для меня лучше этот приток. Не мы придумываем мероприятия и зазываем всех, а вы приходите и давайте делать что-то вместе (Инт. 16).

Информантам было предложено назвать общественные объединения, с которыми они регулярно сотрудничают. Тема исследования предопределила лидерство ВООПИК по числу упоминаний. О сотрудничестве с ВООПИК говорили преподаватели Удмуртского государственного университета и представители других образовательных учреждений, сотрудники управления по охране исторических памятников, должностные лица из городской администрации, члены Союза архитекторов. Среди альтернатив ВООПИК назывались республиканские отделения Российского общества историков-архивистов, Союза архитекторов, а также Общество потомков ижевских мастеровых. Все указанные общественные объединения являются постоянными партнерами в проектах, связанных с сохранением историко-культурного наследия.

Кроме того, ряд социальных учреждений выступает в качестве ресурсных центров. Сотрудники этих учреждений (Удмуртский государственный университет, Центр развития дизайна городской среды и энергосбережения УР), отвечая на вопрос о сотрудничестве с общественными движениями, перечисляли обширный круг партнеров, так как они, являясь экспертами в разных сферах, поддерживают целую сеть взаимосвязей, существующую, однако, не на институциональном, а на персональном уровне (Инт. 26, 30). Преподаватели и научные сотрудники входят в состав общественных советов при министерствах и ведомствах, а сотрудники ресурсных муниципальных организаций координируют деятельность различных некоммерческих объединений. Среди некоммерческих организаций информанты перечисляли

молодежное движение «Креативный капитал», арт-центр «Грифон», детскую общественную организацию «Родники», скаутские организации, фонд «Сообщество», республиканскую общественную организацию поддержки культуры «Общественная инициатива», центр культуры и творчества «Солнцеворот», центр современного образования «Семь пядей», сообщества художников, культурно-исторический клуб. Со слов информантов, в последние годы активизировались военные и патриотические общественные движения, которые работают с феноменами коллективной памяти. Примером может служить общественное движение «Русский лад», а также общество ветеранов локальных войн «Боевое братство» (Инт. 15, 16, 18).

В некоторых случаях информантам трудно было отслеживать участие представителей конкретных общественных объединений в различных городских практиках. Например, для работы на проектных семинарах приглашают всех заинтересованных людей. Они могут представлять ту или иную общественную организацию, объединение или инициативу, но их мнение в каждом конкретном случае – это персональная позиция и личное мнение (Инт. 4).

Как правило, сотрудничество учреждений культуры с общественными движениями поддерживается общим стремлением участвовать в грантовой деятельности. По материалам интервью можно также проследить сложившиеся связи взаимной помощи. Так, учреждения культуры указывали на партнерство с КПРФ. В бизнес-среде существует пул предпринимателей, поддерживающих самодеятельный театр.

Говоря о заметном росте гражданской инициативы, информанты отмечают увеличивающееся количество семинаров, проектных сессий, мастер-классов. При этом неоднократно высказывалось мнение, что проектная активность ограничивается только обсуждением. На проектных семинарах количество инициатив «зашкаливает» (Инт. 14, 20), но до этапа реализации доводится лишь небольшое число предложенных идей. По мнению информантов из разных сфер (государственное управление, учреждения культуры, бизнес), возник дефицит практик управления проектами (Инт. 24, 28). Информанты утверждали, что сформировалась потребность в инфраструктуре для общественных инициатив:

Но у нас недостаточно компетентных специалистов, которые могли бы с инициативными группами работать. У нас

нет достаточно развитой инфраструктуры, которая бы позволяла раскрываться этим инициативам, как-то вступать друг с другом во взаимодействие. (Инт. 7).

Одни информанты указывают, что многие частные инициативы не находят воплощения. В других интервью высказывались сожаления, что пока недостаточно конструктивных предложений от жителей (Инт. 4, 14, 23). Вероятно, сложность состоит в том, что наметились сферы, где государство и автономные некоммерческие организации предлагают уже разработанные решения, а общественная инициатива необходима лишь для их обоснования (Инт. 21).

С другой стороны, нет каналов для критики реализованных и реализующихся проектов. В частном порядке с позиции простых горожан информанты говорили, что вновь благоустроенные городские пространства выглядят однообразно (Инт. 20). Дискуссия о позиции общественников касается лишь благоустройства прогулочных зон. В отношении практик сохранения историко-культурного наследия участники исследования констатируют отсутствие интереса к этому со стороны представителей общественных движений (Инт. 3, 12) и слабую интенсивность диалога с властью (Инт. 5, 19).

Среди предложений, высказанных в ходе интервью, особенно подчеркивалась необходимость просветительской работы с разными категориями активистов о мерах сохранения объектов культурно-исторического наследия и о вопросах законодательства в этой сфере (Инт. 10, 17). В ряде интервью указывалось на потребность в консолидации внутри существующих профессиональных сообществ, а также создании новых (например, Союза реставраторов). По мнению информантов из органов охраны памятников истории и культуры, были бы востребованы движения, которые могли бы своевременно информировать государственные органы о нарушениях – своеобразный «гражданский» надзор (Инт. 22, 28). Целый ряд предложений от информантов касался идей, связанных с активизацией культурной жизни в Ижевске: создание интеллектуальных и музыкальных клубов (Инт. 13), предоставление возможностей для любительских театральных коллективов (Инт. 8), ресурсных центров (Инт. 7, 24). Данные предложения эксплицитно или имплицитно указывали на необходимость актуализации разных видов формального и неформального общения активных людей.

Заключение

Результаты исследования указывают на закрепление и развитие тех тенденций развития Ижевска, которые были описаны в более ранних опросах 2009 и 2004 годов. Символическое пространство города Ижевска остается достаточно эклектичным, горожане воспроизводят определенный набор закрепившихся стереотипов, которые могут трансформироваться под влиянием СМИ и конкретных проектов. При этом исторический пласт в значимых нарративах и образах продолжает «истончаться», заменяясь современным мифотворчеством. Подобная ситуация скорее всего связана с социально-демографическими особенностями формирования города и его советским этапом роста. Значительная доля лиц, мигрировавших в свое время в Ижевск, безусловно влияет на сложившееся символическое пространство и его связь с более «глубокой» историей.

В настоящее время окончательно закрепились миграционная установка горожан, которая наиболее четко проявляется в отношении к миграции их детей: более 37 % респондентов против того, чтобы их дети оставались в Ижевске, более 70 % одобрительно относятся к переезду детей в крупный город, в два раза выросло число респондентов, которые не против переезда их ребенка в сельскую местность. Дополнительную тревогу вызывает то, что наиболее сильно миг-

рационные ориентации относительно детей выражены у горожан с максимальным объемом социально-экономического капитала. Таким образом, учитывая сложившуюся ситуацию по миграции¹, мы можем говорить, что происходит закрепление транзитивного характера городского пространства, что находит свое отражение и в пространстве символическом.

Вместе с этим есть и направления работы, которые способствовали бы сохранению (и увеличению) существующего городского населения. Основное требование горожан для изменения намерений относительно миграции детей – достойно оплачиваемая работа. Но становится очевидным и рост требований к сфере услуг в Ижевске. Соответственно сформирован круг запросов горожан на постиндустриальный вектор развития города, с большим вниманием к качеству городской среды.

Материалы исследования показывают совпадение оценок экспертов в области городского развития с мнением горожан. Эксперты также видят Ижевск как пространство, требующее изменений. Они отмечали, что инфраструктура города изменяется в направлении удобства для жителей. При этом изменения касаются обустройства зон досуга, тогда как работы по реконструкции исторической части Ижевска ведутся не систематически.

В последние годы происходит активное конструирование городской идентичности. Информанты в дополнение к уже привычному концепту «города оружейников» добавляют характеристики, связанные с направлениями развития промышленности, этнической культурой, спортом. Формируется установка на появление немилитаристической основы конструирования идентичности за счет элементов городской культуры (электронной музыки, проектов художников, неформальных культурных событий).

В пространстве города точками, отсылающими к историческим событиям, остаются здания и памятники. Однако реставрация исторических зданий осуществляется в ограниченном масштабе из-за недостатка финансов. Встает вопрос о ресурсах для сохранения историко-культурного наследия. Представители учреждений культуры и информанты, связанные с охраной памятников истории и культуры,

1. Раздел «Динамические таблицы», отчет «Естественное движение населения УР с 1939 года» ([url: https://udmstat.gks.ru/folder/51924](https://udmstat.gks.ru/folder/51924), дата обращения: 08.12.2019 г.).

считали, что условия для инвестирования в процессы реконструкции есть, но предприниматели предпочитают иные сферы вложения средств. Информанты-бизнесмены сообщали о разочарывающем опыте реставрации, а также о сложностях с оформлением документации и коммерческим использованием исторических объектов. Чаще бизнес подключается к проектам обустройства городской среды.

Общий образ Ижевска в сознании горожан выглядит скорее отстраненно/административным или функциональным, чем содержательно наполненным. Одновременно с этим более половины респондентов, принявших участие в опросе, отмечают, что Ижевск является городом оружейников. Это отчасти находит отклик в тех людях, с которыми ижевчане хотят ассоциировать свой город. Интересным является тот факт, что альтернативой оружейной идентичности становится образ «города-завода», поддерживаемый молодежью и более возрастными группами, что может быть связано с индустриальным прошлым, а возможно, и надеждой на будущее Ижевска.

При наличии относительной ориентации на нейтрально-административный, оружейный или заводской образы города, горожане не способны четко зафиксировать реальные городские объекты, которые смогли бы представлять Ижевск. Общие рейтинги подвержены значительным изменениям с течением времени, горожане легко меняют свое мнение при введении новых объектов в ткань города. Единственным стабильным элементом городского пространства, который устойчиво пользуется поддержкой 1/5 горожан, является главный корпус Ижевского оружейного завода. Это же здание является единственным историческим объектом в первой пятерке значимых мест, зданий и сооружений.

Произошедшие за последние два года изменения в городском пространстве находят отклик в изменении практик прогулок горожан. Даже автономизированные районы города начинают демонстрировать большую вариативность относительно мест прогулок. Парки и скверы остаются любимыми местами отдыха горожан. Лишь 18 % жителей города предпочитают центральные улицы для прогулок, еще 14 % – набережную пруда. Соответственно большинство знаковых исторических объектов находятся за пределами стандартных прогулочных практик в городе.

Общая ориентация на культурный сервис и досуг находит свое отражение и в росте желаний горожан посещать театры, концертные залы, художественные выставки и галереи. Музеи значимы в этом

списке для 1/3 горожан. Если в 2009 году среди жителей города Ижевска ощущалась более острая потребность в посещении кинотеатров, кафе, ресторанов, то в настоящее время эта потребность в достаточной степени удовлетворена. Необходимо отметить, что ижевчане выступают и за сохранение бюджетного финансирования достаточно большого числа существующих заведений культурной индустрии. Кроме того, достаточно большая доля опрошенных респондентов готова участвовать в финансовой поддержке наиболее ценных для них учреждений.

Существующий событийный календарь Удмуртии относительно узнаваем в Ижевске. Сформировался целый пласт мероприятий, которые имеют традиционное ядро участников и вызывают стабильный интерес горожан, однако потенциал роста числа заинтересованных в этих мероприятиях людей исчерпан без изменения формата мероприятий. Вместе с тем существует достаточно ощутимая группа событий, которая вызывает большой интерес со стороны ижевчан, в том числе обладает относительно неплохим коммерческим потенциалом.

Эксперты отмечают рост количества активных горожан, в частности молодежи. При этом чаще жители участвуют в проектах благоустройства городских пространств, и в меньшей степени они заинтересованы принимать участие в волонтерских практиках, связанных с историко-культурными объектами. Учреждения культуры имеют сложившиеся партнерские связи с общественными организациями и объединениями. Тем не менее почти все информанты указывали на сферы, где недостаточно проявляется общественная инициатива.

По результатам исследования мы можем говорить о том, что растет степень заинтересованности горожан в мероприятиях и форматах, которые ориентированы скорее на культурно-досуговую, чем историческую составляющую. Историческая компонента в символическом пространстве города представлена либо недавним советским прошлым, либо слабо выраженным с точки зрения поддержки горожан историческим нарративом основания города. Если учесть, что мнение ижевчан достаточно легко меняется под воздействием ввода или реконструкции различных объектов городского пространства и актуализации в этой связи определенных нарративов в СМИ, можно говорить, что введение в оборот исторических объектов центральной части города и набережной может повысить интерес и значимость исторического наследия в символическом и социальном пространстве города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Богатова О. А., Гусева Е. Н. Историческая память и этничность в городской архитектурной среде как фактор конструирования социальной идентичности населения столиц республик в составе Российской Федерации на примере Ижевска и Саранска. // Вестник Удмуртского университета. Социология, Политология. Международные отношения. 2019. Том 3, № 4. С. 409-429.
3. Борисова О. А. Публичное пространство города как реализация горожан «права на город». // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. Том 2, вып. 4. С. 459-465.
4. Бурдые П., Болтански Л., Кастель Р., Шамборедон Ж.-К. Общедоступное искусство: опыт о социальном использовании фотографии. М.: «Праксис», 2014. 456 с.
5. Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Места памяти в молодых городах. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 394 с.
6. Викери Дж. Возрождение городских пространств посредством культурных проектов – синтез социальной, культурной и городской политики. // Визуальная антропология: городские карты памяти / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦГСПИ, 2009. С. 205-234.
7. Гладарев Б. «Это наш город»: анализ Петербургского движения за сохранение историко-культурного наследия. // Городские движения России в 2009-2012 гг.: на пути к политическому. М.: НЛО, 2013. С. 23-145.
8. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Монографический сборник. М.: ОГИ, 2001. 560 с.
9. Грац Р. Город в Америке. Жители и власти (В. Глазычев, Пер.). Общество Развития Родной Культуры. 2008.
10. Гунько М. С., Еременко Ю. А., Батунова Е. Ю. Стратегии планирования в условиях городского сжатия в России: исследование малых и средних городов // Мир России, 2020. Т. 29. № 3 С. 121-141.
11. Зукин Ш. Культуры городов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 424 с.

12. *Кашин А. А., Кудрявцев А. Ф., Лекомцев А. Л., Сидоров В. П., Ситников П. Ю.* Ижевская агломерация: геоэкономический анализ // *Економічний вісник Донбасу*. 2017. № 1(47). С. 133-142.
13. *Карпова Г. Г.* Государственное управление и общественные приоритеты в сфере культурной политики России. // *Журнал исследований социальной политики*, 2009. Том 7, № 1. С. 7-20.
14. *Латышева А. Н.* Использование краудфандинга в решении социальных и культурных проблем сельских территорий России // *Журнал исследований социальной политики*, 2020. Том 18, № 1. С. 7-20.
15. *Лоуэнталь, Д.* Прошлое – чужая страна. СПб: Изд-во «Русский остров», 2004.
16. *Намуева Л. В.* Современное село Калмыкии: социологический срез. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 180 с.
17. *Обухов К. Н., Колесников Д. О.* Социально-экономическое положение молодежи на территории Удмуртской Республики (по материалам ежегодного мониторинга «Молодежь Удмуртии»). // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2019. Т. 3, вып. 2. С. 131-138.
18. *Оленина Г. В., Фролова А. С.* Актуальные социально-экономические аспекты формирования организованного досугового пространства жителя отечественной сельской территории. // *Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств)*. 2018. № 1 (15). С. 17-31.
19. *Папушина Ю. О.* Постсоветский городской праздник и культурность (на материале городского фестиваля искусств «Белые ночи в Перми – 2012»). // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2015. Том XVIII. № 2. С. 60-71.
20. *Поварницына Ю. П.* Фланирование как социокультурная практика в пространстве постсоветского индустриального города. // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2017. Т. 1, вып. 4. С. 429-443.
21. Пространство города для человека. Исследование уровня и динамики градостроительного развития крупнейших мегаполисов мира // PwC. 2018. URL: <https://www.pwc.ru/publications/city-space/smart-cit-full.pdf> (дата обращения 01.08.2020)
22. *Рупасов Н. Ю.* Ментальные карты Ижевска: стартовые позиции и перспективы города // *Иднакар: методы историко-культурной реконструкции*. Ижевск: «Юнита», 2009. № 2 (6) С. 29-75. URL: <http://tehne.com/assets/i/upload/library/mentalnye-karty-izhevsk.pdf> (дата обращения 04.07.2020)

23. Рыбаковский О. Л., Таюнова О. А. Рождаемость населения России и демографические волны // Народонаселение. 2017. № 4. С. 56-66.

24. Семенов А. В. Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 29-37.

25. Стоппер М. Ключи от города: Как устроено развитие? М.: Strelka Press, 2018. 368 с.

26. Тавено Л. Какой дорогой идти? Моральная сложность «обустроенного» человечества. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III, № 3. С. 84-111.

27. Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство. // Журнал исследований социальной политики. 2015. Том 13, № 2. С. 241-256.

28. Тросби Д. Экономика и культура. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 256 с.

29. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2007. 430 с.

30. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

31. Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 440 с.

32. Хезмондалш Д. Культурные индустрии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 456 с.

33. Яковлева А. В. Филантропия как ресурс развития социокультурной сферы: опыт России и Венгрии. // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире. Будапешт: Изд-во Selmeczi Bt.; Киров: ООО «Издательство «Радуга-Пресс», 2019. С. 206-215.

34. Fröbel F., Heinrichs J., Kreye O. The New International Division of Labour: Structural Unemployment in Industrialised Countries and Industrialisation in Developing Countries. Cambridge: Cambridge University Press. 1980. С. 406 p.

35. Frühlich Ch. Urban citizenship under post-Soviet conditions: Grassroots struggles of residents in contemporary Moscow. // Journal of Urban Affairs. 2020. Vol. 42, No 2, P. 188-202.

36. Grigg S., Howarth D., Feandeiro A. The logic and limits of "collaborative governance" in Nantes: Myth, ideology, and the politics of new urban regimes. // Journal of Urban Affairs, 2020. Vol. 42, No. 1. P. 91-108.

37. *Hauge A. L.* Identity and place: a critical comparison of three identity theories. // Architectural Science Review. March, 2007. URL: <http://www.highbeam.com/DocPrint.aspx?DocId=1G1:160922464> (дата обращения 24.05.2020)
38. *Molotch H.* The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place. // American Journal of Sociology. 1976. Vol. 82, No 2. P. 309-332.
39. *Polanska D.V.* Going against institutionalization: New forms of urban activism in Poland // Journal of Urban Affairs, 2020. Vol. 42, No. 2. P. 176-187.
40. *Vallbe J.-J., Magre J., Tomas M.* Being Metropolitan: the effects of individual and contextual factors on shaping metropolitan identity. // Journal of Urban Affairs, 2015. Vol. 00, No. 0. P. 1-18.
41. *Winter T.* Clarifying the critical in critical heritage studies // International Journal of Heritage Studies, 2013. Vol. 19, No. 6. P. 532-545.
42. *Yu-Min Joo, Se Hoon Park.* Overcoming Urban Growth Coalition: The Case of Culture-Led Urban Revitalization in Busan, South Korea. Urban Affairs Review 2017. Volume 53, Issue 5, September 2017, P. 1-25
43. *Zukin S.* Loft Living: Culture and Capital in Urban Change. Johns Hopkins University Press, 1982. 212 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Описание полевых данных

Интервью 1 – жен., член ВООПИК

Интервью 2 – муж., архитектор, сотрудник муниципального управления

Интервью 3 – муж., сотрудник музея, экскурсовод

Интервью 4 – муж., сотрудник автономной НКО городского благоустройства

Интервью 5 – муж., предприниматель в сфере ИТ

Интервью 6 – жен., сотрудник министерства экономики

Интервью 7 – жен., сотрудник автономной НКО городского благоустройства

Интервью 8 – муж., архитектор и режиссер независимого театра

Интервью 9 – жен., директор республиканского учреждения культуры

Интервью 10 – муж., искусствовед, преподаватель УдГУ

Интервью 11 – муж., сотрудник муниципального учреждения культуры, арт-директор

Интервью 12 – муж., сотрудник научно-исследовательского института, экскурсовод

Интервью 13 – муж., археолог, преподаватель УдГУ

Интервью 14 – жен., директор автономной НКО городского благоустройства

Интервью 15 – жен., сотрудник научно-исследовательского института

Интервью 16 – жен., заместитель директора городского музея

Интервью 17 – жен., архитектор, председатель Союза архитекторов

Интервью 18 – жен., руководитель управления архивов

Интервью 19 – муж., директор школы

Интервью 20 – жен., археолог, преподаватель УдГУ

Интервью 21 – жен., помощник руководителя региона

Интервью 22 – жен., сотрудник республиканского учреждения культуры, специалист по проектной деятельности

Интервью 23 – муж., предприниматель, руководитель агентства коммуникации и дизайн-фирмы

Интервью 24 – муж., предприниматель, руководитель группы организаций ООО «Острова», девелопер

Интервью 25 – муж., предприниматель, руководитель группы компаний «Велком групп»

Интервью 26 – муж., руководитель республиканской газеты, художник

Интервью 27 – муж., предприниматель, руководитель дизайн-агентства

Интервью 28 – муж., представитель государственной системы управления по охране исторических памятников

Интервью 29 – жен., директор музея искусств

Интервью 30 – жен., преподаватель истории, руководитель института

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Анкета опроса горожан

Уважаемые жители г. Ижевска, приглашаем Вас принять участие в исследовании знаковых для горожан людей, мест и событий. Заполнение анкеты займет у Вас максимум 8 минут. Все ответы будут использоваться в обезличенном виде и для исследовательских целей.

Согласны ли Вы со следующими утверждениями (1 - совершенно не согласен, 2 - скорее нет, чем да, 3 - скорее да, чем нет, 4 - полностью согласен)?

Я хочу, чтобы мои дети жили в Ижевске	1	2	3	4	затрудняюсь
Я не против того, чтобы мои дети переехали в более крупный город	1	2	3	4	затрудняюсь
Я не против того, чтобы мои дети уехали жить в сельскую местность	1	2	3	4	затрудняюсь

Какие условия развития города должны выполняться в первую очередь, чтобы Вы рекомендовали своим детям остаться жить в Ижевске? (НЕ БОЛЕЕ 3 ВАРИАНТОВ)

01. достойно оплачиваемая работа	06. доступное жилье
02. удобный и комфортный транспорт	07. качественное здравоохранение
03. доступность широкого ассортимента товаров	08. низкий уровень преступности
04. качественное дошкольное и школьное образование	09. широкие возможности для отдыха/развлечений/культурной жизни
05. качественное высшее образование	10. благоприятная экологическая ситуация
Другое:	

Какие здания и места города достойны того, чтобы представлять Ижевск в масштабах России (например, на открытках, в программе экскурсий для гостей)? (НЕ БОЛЕЕ 3 ВАРИАНТОВ)

01. Арсенал (здание Национального музея УР)	10. Центральная площадь города Ижевска
02. Главный корпус Ижевского оружейного завода	11. Генеральский дом (музей Ижевска)
03. Резиденция Главы УР («Президентский дворец»)	12. Ансамбль старых зданий по М. Горького
04. Собор Александра Невского	13. «Вечный огонь» на Карлутской площади
05. Михайловский собор	14. Здание Национальной библиотеки
06. Здание Государственного цирка Удмуртии	15. Пивомедоваренный завод И. И. Бодалева
07. Монумент «Дружбы народов»	16. Памятник ижевским оружейникам
08. Ижевский пруд и набережная пруда	17. Сквер возле УдГУ с памятником А. С. Пушкину
09. Государственный зоологический парк Удмуртии	18. Парк культуры имени С. М. Кирова
Другое:	

Какие утверждения лучше всего отражают образ Ижевска? (НЕ БОЛЕЕ 3 ВАРИАНТОВ)

01. Ижевск – образовательный центр	06. Ижевск – город-завод
02. Ижевск – многонациональный город	07. Ижевск – культурная столица
03. Ижевск – столица Удмуртии	08. Ижевск – развлекательный центр
04. Ижевск – спортивный центр	09. Ижевск – туристический центр
05. Ижевск – город оружейников	10. Затрудняюсь ответить

Какие из перечисленных людей, имеющих отношение к истории нашего города, достойны того, чтобы представлять образ Ижевска? (НЕ БОЛЕЕ 3 ВАРИАНТОВ)

01. А. Москвин (горный инженер)	07. И. Черезов (чемпион мира по биатлону)
02. С. Дудин (архитектор, автор Генплана Ижевска)	08. А. Дерябин (основатель Ижевского оруж. завода)
03. Г. Кулакова (лыжница)	09. П. Чайковский (композитор)
04. К. Герд (поэт, общественный деятель)	10. Е. Кунгурцев (лётчик, Герой Советского Союза)
05. М. Калашников (оружейный конструктор)	11. Е. Драгунов (оружейник-конструктор)
06. П. Шувалов (основатель Ижевска)	12. А. Загитова (фигуристка)

Какие места/здания/объекты Ижевска вызывают лично у Вас наибольшую симпатию (Вам нравится там бывать, Вы получаете там положительные эмоции и т.д.)?_____

Где в Ижевске Вы чаще всего гуляете? (1 вариант ответа)

01. центральные улицы	05. набережная пруда
02. улицы, непосредственно прилегающие к дому	06. торговые центры
03. дворы	07. я не гуляю
04. парки, скверы	

Какие места Вы бы выделили в качестве крупных, всем известных, ориентиров непосредственно в районе Вашего проживания? (в пределах 10-15 минут ходьбы пешком от Вашего дома, например, Вы бы указали их, если бы объясняли дорогу незнакомому человеку) _____

Отметьте, пожалуйста, заведения и организации, в которых Вы редко бываете или не бываете совсем, но хотели бы посещать чаще (все возможные варианты)

01. библиотеки	08. стадионы, дворцы спорта, спорт. мероприятия
02. кафе, бары, рестораны, боулинги	09. театры
03. кинотеатры	10. художественные выставки, галереи
04. концертные залы, дворцы культуры	11. худ. кружки, клубы по интересам
05. музеи	12. церкви, религиозные учреждения
06. ночные клубы, музыкальные клубы, дискотеки	13. таких заведений нет
07. фестивали, праздники, народные гуляния	Другое:

Ниже приведены однотипные вопросы с одинаковым списком учреждений, полностью или частично финансируемых за счет бюджета. Представим ситуацию, что бюджетных денег стали выделять меньше, и часть учреждений необходимо снять с бюджетного финансирования.

	Какие учреждения не должны быть сняты с бюджетного финансирования ни при каких обстоятельствах?	Какие учреждения Вы готовы поддерживать лично, осуществляя ежемесячные пожертвования?
Государственный национальный театр Удмуртской Республики		
Ледовый дворец «Ижсталь»		
Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств		

Продолжение на стр. 118

Государственный театр оперы и балета Удмуртской Республики им. П. И. Чайковского		
Дом Дружбы народов		
Национальный музей Удмуртской Республики имени Кузема Герда (Арсенал)		
Государственный зоологический парк Удмуртии		
Государственный русский драматический театр Удмуртии (им. В. Короленко)		
Музейно-выставочный комплекс стрелкового оружия имени М. Т. Калашникова		
Государственный цирк Удмуртии		
Государственный театр кукол Удмуртской Республики		
ВЦ «Галерея»		
Музей Ижевска		
Музей-усадьба П. И. Чайковского		
Музей-заповедник «Лудорвай»		
Музей-заповедник «Иднакар»		
Затрудняюсь ответить		

Пожалуйста, напишите, какую сумму Вы готовы переводить каждый месяц для каждого из указанного выше учреждения _____

В каком районе города Вы проживаете?

01. Октябрьский	04. Ленинский
02. Первомайский	05. Индустриальный
03. Устиновский	06. Живу в пригороде

Как давно Вы проживаете в Ижевске?

01. Живу в Ижевске всю жизнь	04. Живу в Ижевске 5-10 лет
02. Живу в Ижевске более 15 лет	05. Живу в Ижевске менее 5 лет
03. Живу в Ижевске 10-15 лет	

Есть ли у Вас дети моложе 18 лет?

01. Да	02. Нет
--------	---------

Ваше образование

01. Общее среднее	04. Высшее
02. Среднее профессиональное	05. Научная степень (магистр, кандидат, доктор наук)
03. Неоконченное высшее	

Осталось еще несколько важных вопросов. В Удмуртии в настоящее время реализуется множество проектов в области культуры, искусства и туризма. Ниже расположен небольшой блок вопросов об этих проектах и мероприятиях.

Пожалуйста, отметьте, о каких проектах и мероприятиях Вы слышали? (отметьте все мероприятия в таблице ниже)

Пожалуйста, отметьте, какие проекты и мероприятия Вы посещали? (отметьте все мероприятия в таблице ниже)

Пожалуйста, отметьте, какие проекты и мероприятия Вам были бы интересны? (отметьте все мероприятия в таблице ниже)

На какие проекты/мероприятия Вы бы хотели купить билет? (отметьте все мероприятия в таблице ниже)

	слышали	посещали	интересны	купить билет
Калашников биатлон фест				
Лыжный марафон им. Г. А. Кулаковой				
Калашников Спорт. Биатлон.				
Международный фестиваль циркового искусства				
Международный фестиваль искусств «На Родине П. И. Чайковского»				
Удмуртский национальный праздник «Гербер»				
Международный фестиваль финно-угорской кухни «Быг-быг»				
Межрегиональный фестиваль «Сказочные герои на родине Тол Бабая»				
Фестиваль «Всемирный день пельменя»				
Книжный фестиваль «Читай, Ижевск!»				
Рыжий фестиваль				
Ижевская винтовка				
День оружейника				
Фестиваль «Табань фест»				
OpenAir «Эктоника»				
Не слышал о таких проектах/мероприятиях				

Какую максимальную сумму Вы готовы заплатить за наиболее интересное для Вас мероприятие (из отмеченных выше)? _____

Ваш пол

01. Мужской	02. Женский
-------------	-------------

Ваш возраст

01. до 20 лет	05. от 40 до 50 лет
02. от 20 до 25 лет	06. от 50 до 60 лет
03. от 25 до 30 лет	07. от 60 до 70 лет
04. от 30 до 40 лет	08. старше 70 лет

Отметьте, пожалуйста, ответ, который лучше всего описывает Вашу занятость

01. Полная занятость (более 40 часов в нед.)	05. Безработный
02. Частичная занятость (менее 40 часов в нед.)	06. Учусь/студент
03. Предприниматель (ИП, собственник бизнеса)	07. Работающий пенсионер
04. Временно не работающий (отпуск по уходу за ребенком, неоплачиваемый отпуск)	08. Пенсионер

Оцените, пожалуйста, материальное положение Вашей семьи на настоящий момент

01. Едва сводим концы с концами, не хватает денег даже на еду

02. На еду денег хватает, но покупка одежды представляет трудности

03. На еду и одежду хватает, но при покупке бытовой техники приходится влезать в долги

04. Достаточно обеспечены материально, но покупка автомобиля и дорогостоящий отпуск нам не по карману

05. Достаточно обеспечены материально, практически ни в чем себе не отказываем

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Список вопросов для интервью с экспертами

1. Расскажите о себе. Где учились? Где и кем работаете? В чем заключается ваша деятельность?
2. Как давно вы живете в Ижевске? Или где живете (для иногородних информантов) и как часто приезжаете?
3. Если бы вам пришлось рассказывать об Ижевске, о чем бы вы рассказали в первую очередь? Как бы описали город?
4. Какие у вас любимые места в Ижевске? Куда вы часто ходите гулять? Что показываете гостям?
5. Сегодня часто в СМИ и на различных форумах говорят об «историческом и культурном наследии». Как вы для себя понимаете, что является наследием? Что в Ижевске, по вашему мнению, можно отнести к культурному и историческому наследию?
6. Какое значение придается удмуртскому языку, культуре и традициям? Какие места в Ижевске, как вам кажется, связаны с удмуртской культурой? Какие места в Удмуртии являются важными с точки зрения культурного и исторического наследия?
7. Какие мероприятия сегодня, касающиеся благоустройства, сохранения, реставрации, в г. Ижевске кажутся вам самыми необходимыми?
8. Как по-вашему, можно ли рассчитывать на какую-то негосударственную поддержку инициатив по сохранению наследия?
9. Что изменилось в городе в последние 10 лет? Как вы оцениваете направление и интенсивность этих изменений? Как быстро происходили эти изменения? Как, на ваш взгляд, изменяется отношение жителей к Ижевску?
10. Какие общественные организации и движения вы лично знаете? С какими взаимодействуете? Как оцениваете их вклад в сохранение истории и развитие Ижевска? Каких общественных инициатив не хватает?
11. С кем вы чаще всего обсуждаете события или процессы, которые происходят в Ижевске с профессиональной точки зрения? Почему мнение этих людей для вас важно?
12. Каким вы видите Ижевск в идеале? Что должно сохраниться, а что измениться?
13. Какие места, события, истории могут стать «визитной карточкой» для Ижевска?
14. Как вам кажется, какие люди могут представлять Ижевск в России? В мире? Кем из своего прошлого и настоящего ижевчане могут гордиться и почему?

Содержание

Предисловие	3
Методы исследования	6
Демографическая структура населения Ижевска	10
Город и социальная память: место и время	15
Символический образ Ижевска: люди, места, события	19
Почему для локальной идентичности важно историческое наследие?	38
Споры об историческом наследии в Ижевске	41
Что выбрать для реставрации?	47
Культурное наследие и коммерческий интерес	51
Возможные направления финансовых вложений в культурное наследие Ижевска	55
Экономика города и креативная индустрия	62
Город Ижевск как место постоянного проживания	68
Культурно-досуговая среда и развитие города	79
Оценка культурно-досуговой среды ижевчанами	82
Что могут сделать сами горожане?	89
Активность жителей Ижевска: волонтерство и сбор средств	93
Заключение	104
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.	108
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Описание полевых данных	112
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Анкета опроса горожан	114
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Список вопросов для интервью с экспертами	122

Татьяна Анатольевна Власова
Константин Николаевич Обухов

Монография

**Ижевск 2020:
опыт социологического исследования
символического пространства города**

Макет, верстка, техническое редактирование – М. Смагин
Корректурa – С. Мальцева

Авторская редакция

Подписано в печать 24.11.2020. Формат 60х84 $\frac{1}{16}$.

Усл.печ.л. 7,20. Уч.-изд. л. 5,38.

Печать офсетная.

Тираж 300 экз. Заказ № 37

Издательство «Монпоражён»
Ижевск, Красноармейская, 127, офис 9-12
тел. 8-919-907-51-15